

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 21

1980

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ

**М А С Т Е Р
ИЗ КРОКСЛИ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 21

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ

МАСТЕР ИЗ КРОКСЛИ

РАССКАЗЫ

*Перевод с английского
Николая КОЛПАКОВА*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1980

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ

Перу выдающегося английского писателя Артура Конан-Дойля (1859—1930 гг.) принадлежат не только всемирно известные повести и рассказы о приключениях Шерлока Холмса. Он является также и автором произведений научно-фантастического характера — «Маракотова бездна», «Затерянный мир», «Отравленный пояс». Кроме того, он писал исторические романы, а также издал шесть сборников разнообразных по своему содержанию рассказов, среди которых рассказы о боксе занимают не последнее место. Большая часть их мало известна советскому читателю.

В России переводы произведений Конан-Дойля впервые появились в начале 90-х годов прошлого столетия. В нашей стране Конан-Дойль — один из любимых зарубежных писателей. Его произведения издавались общим тиражом более десяти миллионов экземпляров.

МАСТЕР ИЗ КРОКСЛИ

I

Роберт Монтгомери сидел за столом в мрачном унынии. Перед ним лежала раскрытая конторская книга, вся испещренная длинными рецептами доктора Олдакра. Тут же стоял широкий деревянный ящик, разбитый на ячейки с наклеенными на них ярлыками, коробка с пробками, несколько палочек сургуча и ряд пустых пузырьков, выстроившихся в ожидании, когда их наполнят лекарствами. Но работать Роберту совсем не хотелось, и он молча продолжал сидеть, сжав голову руками и бессильно опустив могучие плечи. Сквозь грязноватое окно приемной виднелись стены зданий из потемневшего кирпича и шифера, над которыми, словно гигантские колонны, подпиравшие низко нависшие черные тучи, вздымались высокие заводские трубы. Шесть дней в неделю эти трубы извергали клубы дыма, но сейчас они бездействовали: день был воскресный. Грязный, противный туман стлался над землей, разграбленной и опустошенной человеческой алчностью. Впереди на много миль вокруг не виднелось ничего, что радовало бы глаз и могло хоть чем-то развеселить впавшую в отчаяние душу. Однако не это печальное зрелище привело в уныние ассистента доктора Олдакра.

Горе его было более глубоким и более личным. Приближался учебный год. Роберту предстояло вернуться в университет и, закончив последний курс, получить диплом. Но — увы! — надо платить за учебу, а денег нет, и где их взять — неизвестно. Шестьдесят фунтов — и диплом врача в кармане, но раздобыть эту сумму у него столько же шансов, сколько найти миллион.

Удрученный ассистент очнулся от этих мрачных размышлений, когда в лабораторию заглянул сам доктор Олдакр — гладко выбритый представительный мужчина с чопорными манерами и благочестиво-строгим выражением лица. Сей господин, преуспевающий исключительно благодаря поддержке местного

духовенства, всегда старался делать так, чтобы ни словом, ни делом не повредить своей репутации. Он держался с величайшим достоинством и требовал того же от своих ассистентов. В наружности его и речи всегда чувствовался некоторый оттенок благоволения и доброжелательности.

В голову отчаявшегося студента внезапно пришла мысль: что если проверить, действительно ли доктор такой филантроп, каким представляется?

— Прошу прощения, доктор Олдакр, — сказал он, приподнимаясь со стула, — у меня к вам большая просьба.

Лицо доктора резко изменилось и приобрело мало обещающее выражение. Он поджал губы и опустил глаза.

— Слушаю вас, мистер Монтгомери!

— Сэр, вам, конечно, известно, что мне остался всего год, чтобы окончить университет...

— Да, вы говорили об этом.

— И, вы, конечно, понимаете, сэр, как это важно для меня.

— Разумеется.

— Доктор Олдакр, плата за учебу составляет примерно шестьдесят фунтов...

— Извините, мистер Монтгомери, но меня ждут дела.

— Одну секунду, сэр!.. Я надеялся, что... если я напишу расписку с обещанием вернуть деньги с процентами, вы... можете быть, ссудили бы мне их?.. Я верну вам их, сэр... Честное слово! Или отработаю по окончании... если вас это больше устроит.

Губы доктора вытянулись в тонкую нитку, в глазах сверкала негодование.

— Мистер Монтгомери, ваша просьба просто безрассудна! Вы меня удивляете. Вам известно, сэр, сколько студентов-медиков в Англии? У многих из них нет средств платить за учебу, так что же, по-вашему, я всех их должен осуждать деньгами? Или же я должен сделать исключение только для вас? Нет, мистер Монтгомери, я очень огорчен и раздосадован. Вы поставили меня в неловкое положение, вынудив отказать вам.

И, четко повернувшись на пятках, он вышел из лаборатории с видом оскорбленного достоинства.

Студент горестно усмехнулся и занялся приготовлением назначенных на утро лекарств. Что за жалкая, ничтожная работа! Ее мог бы выполнить любой заморыш, а не такой здоровяк, как он. Но что поделаешь, она дает ему стол и фунт стерлингов в неделю, а этого вполне достаточно, чтобы спокойно прожить лето и поднакопить немного денег на зиму. Но плата за учебу! Откуда взять столько денег? Разве их накопить при такой скудной зарплате?! Доктор Олдакр... Так он не захотел дать займы...

Монтгомери не видел выхода и не знал, где и как заработать требуемую сумму. Парень он не без способностей, но способности — товар не из ходовых. Хватает у него и силенки, но кто ее купит?

Однако неисповедимы пути божьи. Роберт не знал, что час его спасения близок.

— Эй, ты! — раздался у дверей чей-то громкий, раздраженный голос.

Монтгомери поднял голову. У входа стоял молодой шахтер, высокий, плечистый, с могучей, как у быка, шеей, в праздничном костюме из твида и ярком галстуке. Вид у него был довольно свирепый: темные наглые глаза, бульдожья челюсть.

— Эй, ты! — повторил он. — Почему до сих пор не прислал мне лекарства, как тебе приказал хозяин, а?

Монтгомери привык к грубоватым манерам северных рабочих. Вначале это бесило его, потом он пообтерся и перестал обращать внимание. Но здесь было совсем другое. Тут было оскорбление, грубое, наглое.

— Фамилия? — спросил он холодно в ответ.

— Бартон. Смотри, как бы тебе не пришлось крепко запомнить ее! Живо сваргань лекарство моей жене, слышишь? А не то пожалеешь.

Монтгомери облегченно улыбнулся. Вот она, благословенная отдушина, сквозь которую можно излить накопившую горечь. Наглость была столь велика, оскорбление столь очевидно, что никаких колебаний, дающих возможность человеку сдерживать свои чувства, у него не осталось. Он спокойно запечатал очередной пузырек с лекарством, приклеил сигнатурку и, не торопясь, поставил его на полку.

— Послушайте! — сказал он, обернувшись к шахтеру. — Ваше лекарство будет сделано и послано вам, когда до него дойдет очередь. И запомните: посторонним в лабораторию вход воспрещен. Если хотите ждать, ждите в приемной.

— Слушай, парень, — сказал шахтер, — ты приготовишь лекарство вот прямо тут, пока я здесь, а не то смотри, оно тебе самому понадобится.

— Я бы не советовал вам ссориться со мной, — проговорил Монтгомери жестким, отрывистым тоном человека, который еле себя сдерживает. — Потиху на поворотах, а то нарветесь. Ах, так?! Тогда получайте!

Удары последовали почти одновременно: свирепый свист просвистел над ухом Роберта, а прямой драйв пришелся уголко-поу прямо в челюсть.

Счастье оказалось на стороне ассистента. Молниеносный апперкот и техника, с которой его нанесли, сразу же подсказали Роберту, что он имеет дело не с новичком. Но если Роберт не-

дооценивал своего противника, то и тот недооценил его возможностей и, раскрывшись, подставил себя под роковой удар.

Шахтер с треском ударился головой об угол шкафа и рухнул как подкоженный. Его кривые ноги неловко подогнулись, руки раскинулись, а по кафельному полу тоненькой струйкой потекла кровь.

— Ну, что? Достаточно? — свирепо спросил Роберт, тяжело дыша.

Ответа не последовало: шахтер лежал без сознания. Только тут Монтгомери осознал весь ужас своего положения и стал таким же бледным, как и его противник. Доктор Олдакр, этот святоша с его благочестивыми знакомствами, — а тут вдруг кулачная расправа с одним из пациентов; если о драке узнают, то Монтгомери наверняка придется расстаться со своим местом. Положим, место незавидное, но где найдешь другое без рекомендации, а доктор Олдакр ни за что не даст ее после этого. Без денег на учебу и без работы, — что станет с ним? Ведь это же полный крах.

Может быть, все-таки удастся избежать огласки? Роберт подхватил бесчувственное тело, вытащил его на середину комнаты и выжал на голову шахтера мокрую губку. Тот очнулся и со стоном поднялся.

— Черт тебя подери! — проворчал он, стряхивая капли воды со своего пиджака. — Галстук мне испортил.

— Вы извините, что я вас так сильно ударил, — сказал Монтгомери примирительно.

— Сильно ударил! Да такими ударами только мух убивать. Не ты, а вот этот проклятый шкаф расшиб мне башку. Тебе, милоч, здорово повезло. Теперь можешь везде хвастать, что с одного удара нокаутировал меня. А сейчас, будь любезен, спроворь-ка лекарство моей жене, да я пойду.

Монтгомери без долгих слов исполнил его просьбу.

— Советую вам немного посидеть и отдохнуть, — сказал он парню, — вы еще слишком слабы.

— Некогда, жена ждет, — возразил тот и, пошатываясь, вышел из аптеки.

Провожая его взглядом, Роберт видел, как он нетвердой походкой двинулся вниз по улице, потом встретил какого-то приятеля и зашагал с ним под руку. «Малый он, видно, отходчивый», — подумал Монтгомери и успокоился, решив, что доктор вряд ли узнает о драке. Он вытер с пола кровь, привел в порядок аптеку и, радуясь, что дешево отделался, вновь уселся за прерванную работу.

Весь день смутное чувство тревоги не покидало его. Однако особенно оно усилилось и переросло в страх, когда уже под ве-

чер ему сказали, что какие-то три джентльмена ожидают его в приемной. «Судебный следователь, полиция, разъяренные родственники потерпевшего», — разом мелькнуло в его испуганном воображении. С натянутыми, как струна, нервами и окаменевшим лицом он вышел к посетителям.

Перед ним предстало чрезвычайно своеобразное трио. Он знал в лицо каждого в отдельности, но что их привело сюда вместе и, главное, что им нужно от него — этого он никак не мог себе представить.

Первый был Сорли Уилсон — единственный сын владельца крупнейших каменноугольных копей «Нонпарель». Этот двадцатилетний франт, наследник огромного состояния и заядлый спортсмен, приехал на пасхальные каникулы из Кембриджа, где учился в Магдаленском колледже. Он примостился на краю стола и, задумчиво покручивая кончики нафабранных черных усиков, разглядывал Монтгомери.

Рядом с Уилсоном сидел Пэрвис — трактирщик, владелец самой большой пивной и известный в округе букмекер. Это был грубоватый малый, и его гладко выбритая медно-красная физиономия составляла резкий контраст с лишенным всякой растительности, блестевшим, как слоновая кость, черепом. Положив толстые, красные руки на колени и подавшись вперед; он тоже молча разглядывал молодого ассистента хитрыми бледно-голубыми глазами, оттененными рыжими ресницами.

С не меньшим вниманием разглядывал Монтгомери и третий посетитель — Фоссет, объездчик лошадей. Он сидел, откинувшись назад, вытянув длинные поджарые ноги в кожаных крагах, и рукояткой хлыста постукивал по своим слегка выступающим вперед зубам; каждая черточка его худощавого лица выражала тревогу и озабоченность. Трактирщик, приезжий щеголь и объездчик — все трое равно молчали, были равно серьезны и равно чем-то озабочены. Монтгомери недоуменно переводил взгляд с одного на другого.

— В чем дело, господа? — спросил он, но ответа не получил.

Положение становилось затруднительным.

— Нет, не то! — наконец произнес объездчик. — Не подойдет. Ни в коем случае!..

— Ну-ка, повернись, паренек, дай-ка мы тебя рассмотрим получше, — обратился к нему трактирщик.

Монтгомери решил повиноваться. В конце концов он, безусловно, узнает, в чем дело, надо только набраться терпения. Он начал медленно поворачиваться, словно у портного на примерке.

— Не то!.. Нет, не то!.. — повторил объездчик. — Да Мастер его соплей перешибет.

— Чушь! — воскликнул юнец из Кембриджа. — Вы, Фоссет, если хотите, можете выйти из игры, а я это дело доведу до конца, даже если мне придется действовать в одиночку. И подстраховываться не стану. Мне нравится, как он сложен. Гораздо больше, чем Тэд Бартон.

— Мистер Уилсон, вспомните, какие у Бартона плечи.

— Ну, плечи — это еще не все. Вы мне дайте энергию, темперамент, породу. Вот что нужно для победы.

— Ваша правда, сэр, ваша правда! — произнес толстый краснорожий трактирщик сладким, маслянистым голосом. — Это как со щенками. Возьмите настоящего чистокровного и выведите его — да он побьет любую дворняжку, самую здоровую, из кожи вылезет, а побьет.

— В нем добрых десяти фунтов недостает, — продолжал ворчать объездчик.

— Во всяком случае, он полусреднего веса.

— Сто тридцать фунтов — вот его вес.

— Ну, нет! Если взвесить, то пожалуй, все сто пятьдесят потянет.

— Но ведь и Мастер немногим больше весит.

— Сто семьдесят пять.

— Так это у него теперь стало, когда он зажил спокойно и растолстел, а скинь с него жир, и, я уверен, что в нем будет чуть больше, чем в этом пареньке. Мистер Монтгомери, сколько вы весите?

Это был первый вопрос, непосредственно обращенный к ассистенту. Он стоял среди них, словно лошадь среди барышников, и не знал, сердиться ли ему или смеяться.

— Во мне? Ровно одиннадцать стоунов¹, — ответил он.

— Я же говорил, он полусреднего веса.

— А если вас потренировать с недельку, тогда сколько? — спросил трактирщик.

— Я и так каждый день тренируюсь.

— Ну, он, безусловно, в форме, если можно так выразиться, — заметил объездчик. — Но обычная тренировка — это совсем не то, что с тренером. При всем моем уважении к вашему мнению, мистер Уилсон, держу пари, что с него сойдет не менее полстоуна веса за это время.

Юный кембриджец взял ассистента одной рукой за плечо, другой за кисть и, резко согнув его руку в локте, пощупал бицепс. Тот, круглый и твердый, как крикетный шар, перекатился под его пальцами.

— Ну-ка потрогайте! — сказал он с восхищением.

¹ Стоун равен 14 английским фунтам (6,34 кг).

Трактирщик и объездчик оцупали бицепс. Их лица выразили почтение.

— Ничего себе... Малый что надо, — проворчал Пэрвис.

— Джентльмены, — сказал Монтгомери, — вы должны признать, что я был достаточно терпелив. Я выслушал ваше мнение о моих внешних данных. Будьте добры, потрудитесь теперь объяснить, в чем дело.

Все снова уселись с важным и деловым видом.

— Сделать это просто, мистер Монтгомери, — сказал трактирщик заискивающе, — но прежде чем что-нибудь говорить, нам надо основательно подумать, следует ли, так сказать, вообще говорить. Мистер Уилсон считает, что следует, а вот Фоссет думает иначе. А у него такие же права, как и у нас, он также участвует в пари, и к тому же член организационного комитета.

— По-моему, он немного жидковат, — сказал объездчик, по-прежнему постукивая металлической рукояткой хлыста по своим слегка выступающим зубам. — Но кто знает, может быть, он и выстоит... Парень он крепкий, скроен ладно, так что, если вы, мистер Уилсон, намерены поставить на него...

— Без всяких «если».

— А вы, Пэрвис?

— Я не из тех, кто отступает, Фоссет.

— Ну что же, в таком случае рассчитывайте и на мой пай.

— Я был уверен, что вы не ступитесь от своего слова, — заметил Пэрвис. — Еще не случалось, чтобы Исаак Фоссет нарушил компанию. Так, значит, мы вдвоем собираем сотню фунтов на приз и организуем встречу — если, конечно, этот молодой человек ничего не имеет против.

— Мистер Монтгомери, вы извините нас за весь этот вздор, — сказал студент из Кембриджа добродушно. — Я понимаю, мы начали не с того конца, но это легко поправить и... надеюсь, вы скоро с нами согласитесь. Помните парня, которого нокаутировали сегодня утром? Знаете, кто он? Это Бартон, знаменитый Тэд Бартон.

— Уверю вас, сэр, вы можете гордиться тем, что нокаутировали его в первом же раунде, — вмешался в разговор трактирщик. — Даже сам Морис — чемпион весом в десять стоунов и шесть фунтов — изрядно повозился, прежде чем уложить Бартона бай-бай. Вы чисто сработали, сэр, и, думаю, при желании сработаете еще чище.

— Я никогда не слышал о Тэде Бартоне и узнал о нем только сегодня, — сказал ассистент доктора Олдакра.

— Так вот, Бартон — это форменный бандит, — сказал объездчик. — Очень хорошо, что вы его проучили, а то он совсем распустился. Чуть что, так ругаться, а затем и руки в ход. Да и

выражения-то выбирает все такие, за которые в суде берут по пять шиллингов за слово. Теперь он поостережется совать свои кулачища в нос каждому встречному-поперечному. Впрочем, это к делу не относится...

Монтгомери смотрел на них в замешательстве.

— Ради бога, господа, скажите мне наконец, чего вы от меня хотите?

— Мы хотим, чтобы вы выступили на ринге против Сайласа Крэга, более известного как Мастер из Кроксли.

— С какой стати?

— С такой, что в следующую субботу с ним должен был драться Тэд Бартон. Он наш чемпион по боксу и выступает за здешние каменноугольные копи, а Мастер выступает за чугунолитейный завод в Кроксли. Мы выставяем своего боксера против Мастера на пари. Приз — сто фунтов. Но вы нашего чемпиона вывели из строя: на что он теперь годится с двухдюймовой дырой в черепе? Остается одно — кто его вывел из строя, тот и должен его заменить. Если вы уложили Тэда Бартона, значит, можете уложить и Мастера из Кроксли. Если откажетесь, то мы прямо не знаем, что делать. Здесь больше нет никого, кто мог бы выступить против Крэга. Условия такие: двадцать раундов, перчатки весом в две унции, квинсберийские правила, и если вы выстоите до конца, то победа присуждается по очкам.

Предложение было столь нелепо, что в голове у Монтгомери все спуталось. Но вдруг его осенило.

Сто фунтов!.. Деньги, которые ему так нужны, чтобы получить диплом врача, будут в его руках, если только эти руки окажутся достаточно сильными, чтобы взять их. Только сегодня утром он с горечью думал, что для его физической силы нет применения, а тут, оказывается, он может своими кулаками заработать за час столько, сколько мозгами не заработает и за год.

Все же он колебался.

— Как же я буду выступать за каменноугольные копи, — спросил он, — когда не имею к ним никакого отношения?

— Как не имеете? — воскликнул старый Пэрвис. — В условиях ясно сказано: «Всякий, кто хоть как-то связан с каменноугольными копиями...» Доктор Олдак — врач каменноугольного клуба, вы — его помощник. Что еще нужно?

— Тут полный порядок, — заверил юнец из Кембриджа. — Ох, и выручите же вы нас, мистер Монтгомери. Мы сели в такую галашу, просто беда! Вам, может, неудобно брать деньги? Тогда в случае победы мы преподнесем вам какой-нибудь ценный подарок: скажем, часы, кубок или что-либо иное. Вы лишили нас чемпиона, поэтому мы вправе требовать от вас возмещения убытков.

— Дайте мне немного подумать, джентльмены. Уж очень все это неожиданно. Да и доктор, боюсь, не разрешит мне уйти с работы... Да, да... Наверняка не разрешит.

— Он и знать ничего не будет. Во всяком случае, до боя. Согласно условиям, мы можем не говорить, кто будет нашим боксером. Лишь бы он в день встречи весил сколько положено, а остальное никого не касается.

Монтгомери решил.

— Джентльмены! — сказал он. — Я согласен.

Три вскочило на ноги. Трактирщик схватил его за правую руку, объездчик за левую, а юный кембриджец хлопнул по спине.

— Молодец, молодец! — прохрипел трактирщик. — Ну, мил человек, если ты побьешь его, то в один день из заурядного докторишки превратишься в самого известного человека во всей округе, вплоть до самого Бредфорда. Да если ты побьешь Мастера из Кроксли, то в моих «Четырех кулях» до конца твоих дней тебе будет обеспечено даровое пиво.

— Ей-богу, сэр, — говорил юный Уилсон, — если вы выиграете, то вся местная клиентура окажется в вашем кармане, если вы, конечно, захотите здесь остаться работать. Вы знаете флигель в моем саду?

— Тот, что у дороги?

— Да, я его переоборудовал в спортзал для Тэда Бартона. Там вы найдете все, что нужно: биты, боксерскую грушу, планки, гантели, гири и тому подобное. Вам потребуется партнер для тренировки. Обычно вместе с Бартоном работал О'Гилви, но нам кажется, что для вас он будет слабоват. Может быть, Бартон? На вас он в общем-то не в обиде, да и вообще он парень неплохой, хотя и любит задира́ть чужих. Он рад будет тренироваться с вами, назначьте только время.

— Благодарю вас, о времени я сообщу, — ответил Монтгомери.

Три организатора матча, довольные, отправились по своим делам.

Роберт еще немного задержался в приемной, размышляя о случившемся. Боксом он начал заниматься в университете, где его тренировал человек, бывший в свое время чемпионом в среднем весе. Правда, тренер давно уже пережил свою славу и стал медлителен в движениях, в суставах его появилась некоторая скованность, но он все еще оставался опасным противником. Однако в конце концов Монтгомери стал побивать собственного учителя. На университетских соревнованиях он даже получил

медаль, и его тренер любил повторять, что никогда не имел более способного ученика, чем Роберт. Он стал усиленно уговаривать его принять участие в чемпионате боксеров-любителей, но Роберт не испытывал особого желания отличаться на этом поприще. Все же один раз он дрался в ярмарочном балагане с Хэммером Танстелом, боксером-профессионалом, выдержал три жарких раунда. Правда, он потерпел поражение, но заставил-таки своего противника попотеть. Вот и весь его послужной список боксера. Хватит ли у него умения, чтобы выступить против Мастера из Кроксли?.. Впрочем, какое это имеет значение? Если он победит, то получит деньги, которые ему нужны позарез, если нет — что ж, получит хорошую трепку, только и всего. Такое наказание он примет не дрогнув, в этом он уверен. Даже если победить имеется один шанс из ста, и то стоит попытаться счастья.

Его размышления прервал доктор Олдакр, только что вернувшийся из церкви, — в руках он держал огромный молитвенник.

— Мистер Монтгомери, я замечая, что вы совсем не ходите в церковь, — сказал он холодно.

— Да все некогда, сэр. Дела.

— Жаль, жаль. Мне бы очень хотелось, чтобы мои люди служили примером для других. Здесь в округе так мало образованных людей, что на нас ложится особая ответственность. Если мы сами не на высоте, то как можно требовать этого от бедных рабочих? Страшно даже подумать, что прихожан нашей церкви больше занимает предстоящий кулачный бой, чем их религиозные обязанности.

— Кулачный бой, сэр? — спросил виновато Монтгомери.

— Я полагаю, это самое подходящее название для готовящейся драки. Один из моих пациентов сказал мне, что все только о ней и говорят. Какой-то местный хулиган, кстати сказать, тоже наш пациент, будет драться в перчатках с боксером из Кроксли. Я не понимаю, как власти не вмешаются и не остановят столь безнравственное представление! Ведь выступления кулачных бойцов за деньги запрещены законом!

— Но вы же сказали, что бой будет в перчатках.

— А, что там! Мне сообщили, что двухунциевые перчатки — это всего-навсего уловка, чтобы обойти закон и воспрепятствовать вмешательству полиции. Драться-то они все равно будут за деньги. Прямо в голове не укладывается — не правда ли? — что подобные вещи творятся всего в нескольких милях от нашего мирного домашнего очага. Вот почему вы должны понять, мистер Монтгомери, что пока существуют факторы, противодействующие нашему влиянию, мы должны быть особенно требовательны к себе.

Проповедь доктора Олдкра произвела бы должный эффект, если бы Монтгомери не имел возможности, причем не раз и не два, убедиться на собственном опыте, что стоят его слова. Всегда легче оправдать свои грехи, указывая пальцем на чужие. Совесть у Монтгомери была чиста. Он понимал, что из всех лиц, имеющих отношение к кулачным боям — антрепренеров, держателей пари, зрителей, — боксер занимает наиболее честную и благородную позицию. Выносливость и храбрость — это добродетели, а не пороки, и грубость в конце концов лучше изнеженности.

На углу улицы была маленькая табачная лавочка, куда Монтгомери обычно заходил за дубровкой, попутно получая у продавца, словоохотливого малого, знающего все, что творится в округе, массу сведений о местных делах. В тот же день после чая Роберт завернул в лавочку и в разговоре словно невзначай спросил у продавца, слышал ли тот когда-нибудь о Мастере из Кроксли.

— Слышал ли я о нем?! — чуть не задохнулся от изумления маленький продавец. — Да это же самый известный человек во всей округе! В Западном Райдинге имя его знают так же хорошо, как имя победителя дерби. Бог ты мой!..

Лавочник на минуту прервал свою речь и принялся рыться в ворохе старых газет.

— Сейчас вокруг него опять подняли шум: говорят, он будет драться на ринге с нашим Тэдом Бартоном. Поэтому газета «Кроксли геральд» опубликовала его биографию... Ага! Вот она! Вы можете сами прочесть тут все...

Газета отвела Мастеру из Кроксли целую полосу, в центре поместила его портрет — грубую гравюру на дереве: голова и торс в открытой вязаной майке. Судя по портрету, лицо Мастера, злое и волевое, было лицом развратника: гладко выбритое, с густыми бровями, свирепым оскалом, тяжелой, как у бульдога, челюстью, маленькими злыми глазами и обрюзглыми толстыми щеками. Могучая шея переходила в монолитные плечи, которые под рукой местного художника вышли прямо гигантскими. Над портретом стояла надпись: «Сайлас Крэгз», а ниже: «Мастер из Кроксли».

— Вы тут узнаете о нем все, — повторил лавочник. — О, он бедовый парень, этот Мастер, и мы гордимся тем, что он живет в нашем округе. Если бы он не сломал ногу, то давно бы чемпионом Англии стал.

— Сломал ногу, говорите?

— Да, причем она плохо срослась. Его даже за глаза называют раскорякой. Ноги у него подкачали, но зато руки... О, ес-

ли бы к этим рукам еще ходуны хорошие, я бы посмотрел, кто стал чемпионом Англии!

— Разрешите мне взять газету с собой? — попросил Монтгомери. Он сунул газету в карман и отправился домой.

Статья была не особенно утешительной для него. В ней приводилась полная биография Мастера, перечислялись его многочисленные победы и совсем немногие поражения.

«Сайлас Крэгз, более известный в спортивных кругах как Мастер из Кроксли, — писал местный биограф, — родился в 1857 году, так что в настоящее время ему почти сорок лет»...

«Черт возьми, мне-то двадцать три», — подумал Монтгомери и несколько приободрился.

«...Еще с юных лет, — продолжал читать он, — проявились его удивительные способности к боксу, и он, побив многих своих соперников, стал признанным чемпионом округа и заслужил тот почетный титул Мастера, который продолжает носить и по сей день... Стремясь к славе, он нашел себе покровителя и в мае 1880 года впервые встретился на ринге с Джеком Бартоном из Бирмингема. Матч проводился в старом Лотеровском спортивном клубе. Крэгз, весивший тогда десять стоунов и два фунта, великолепно провел все пятнадцать потрясающих по своей стремительности раундов и, выиграв по очкам, получил приз Централных графств Англии. Затем, победив подряд Джеймса Данка из Розерхита, Камеруна из Глазго и юношу по имени Ферни, он настолько возомнил о себе, что вызвал на бой Эрнста Виллокса, бывшего в то время чемпионом Северной Англии в среднем весе, и в упорном бою победил последнего, нокаутировав его на десятом раунде.

Казалось, еще немного — и юный йоркширец станет первой перчаткой страны, но судьба сыграла с ним злую шутку, и он вышел в тираж самым неожиданным образом.

Однажды его лягнула лошадь — он получил перелом ноги и целый год провалялся в постели. Кости срослись неправильно, и, вернувшись на ринг, он убедился, что значительно утратил свою былую подвижность. Именно это и только это обстоятельство явилось причиной того, что в седьмом раунде он потерпел поражение от Виллокса, того самого Виллокса, которого год назад нокаутировал; потом его победил Джеймс Шоу из Лондона, хотя впоследствии он признавал, что Крэгз был самым сильным противником, с которым ему довелось встречаться.

Однако неудачи не сломили духа Сайласа Крэгза; учитывая свой физический недостаток, он выработал новый стиль боя и вновь стал побеждать своих противников.

В 1891 году, когда он вел победоносный бой с Джимом Тейлером, австралийским боксером среднего веса, судейская

коллегия обвинила его в применении запрещенных приемов. Это обвинение так потрясло его, что он навсегда оставил бокс. С этого времени он почти ни разу не выступал на ринге, если не считать тех встреч, которые организовали местные любители, желающие понять разницу между дракой в пивной и классическим боксом. На днях несколько таких любителей объявились на каменноугольных копях Уилсона. Они обещают собрать на приз сто фунтов и выставить своего боксера против Мастера. О том, кто этот боксер, ходят различные слухи, но наиболее часто упоминается имя Тэда Бартон. Однако ставки — семь против одного за Сайласа Крэгза — служат прекрасным доказательством тому, на чьей стороне публика».

Монтгомери прочел статью дважды и серьезно призадумался. Да, нелегкое дело он затеял: ведь драться придется не с каким-нибудь местным дилетантом, а с первоклассным или почти первоклассным боксером. Правда, кое-что говорит и в его пользу, и этим он, конечно, должен воспользоваться. Во-первых, возраст: двадцать три против сорока. Старая боксерская пословица гласит: «Молодость свое возьмет». Однако анналы истории ринга знают массу исключений из этого правила. Старый, опытный боксер, хладнокровный и мужественный, знающий все уловки, всегда сумеет задать трепку любому молокососу, даже если будет старше последнего на десять — пятнадцать лет. Поэтому полагаться на молодость особенно не следует. Правда, есть еще одно важное преимущество: Мастер хром. И, наконец, вполне можно рассчитывать, что Мастер, уверенный в своей победе, будет менее тщательно готовиться к предстоящему матчу, поскольку вряд ли захочет менять свои привычки перед встречей на ринге с каким-то любителем. А подобное всегда может случиться с человеком его лет и установившихся взглядов.

Монтгомери молил судьбу, чтобы так именно и оказалось. Но пусть будет даже не так, пусть его противник — самый лучший из всех, кто когда-либо ступал на ринг, говорил себе Монтгомери, что из того? Ведь он-то сам понимает, что нужно делать. Он должен очень тщательно, не упустив ничего, подготовиться к матчу, и сделать все, что требуется от него самого. Роберт достаточно хорошо знал о существующей в боксе да и в любом другом виде спорта разнице между любителем и профессионалом. Спокойствие, сила удара, а самое главное, умение терпеливо переносить чужой удар — все это имеет очень большое значение. Натренированные, упругие, словно гуттаперчевые брюшные мускулы закаленного боксера, не дрогнув, воспримут такой удар, от которого другой человек будет валяться на полу, корчась от боли. Этого, разумеется, за неделю не добьешься, однако все, что можно сделать за неделю, необходимо сделать.

Данные у Роберта были хорошие. Ростом он был пять футов и одиннадцать дюймов. А такой рост, как говорят старые боксеры, вполне достаточен для любого двубоего. Гибкий и худощавый, он обладал ловкостью пантеры и невероятной выносливостью. Мускулы у него были железные, хотя основная его сила заключалась не в мускулах, а в той высшей нервной энергии, которую не измерить рулеткой. Нос у него был с горбинкой, а глаза большие и широко расставленные, таких глаз у трусов не бывает. Ко всему прочему ему придавало силы сознание, что от исхода боя зависит его будущее.

Наутро следующего дня три члена организационного комитета, придя в спортзал, только руки потирали от удовольствия, видя, что Монтгомери вытворяет с боксерской грушей. Фоссет—объездчик, который только перед этим послал телеграмму, чтобы поставить для страховки на обоих боксеров, немедленно отменил свой приказ и поставил на Монтгомери еще пятьдесят фунтов по ставке семь к одному.

Труднее всего было выкроить время для тренировок, так, чтобы об этом не узнал доктор. Работа занимала большую часть дня, но визиты к больным приходилось делать пешком, причем на довольно значительные расстояния, что само по себе явилось неплохой тренировкой. Остальное время Монтгомери работал с боксерской грушей, утром и вечером по часу занимался с гантелями и гирями и два раза в день боксировал с Тэдом Бартоном, стремясь получить от этой стремительной драчливой машины о двух руках как можно больше. Бартона приводили в восторг смекалка и быстрота реакции Роберта. Но в силе его ударов он сомневался. В основу собственного стиля боя он положил сокрушительный удар и требовал того же от других.

— Бог ты мой, да разве это удар для человека весом в одиннадцать стоунов! — кричал он. — Ты бей так, чтобы Мастер хоть почувствовал, что с ним дерутся... Ага, вот это лучше, милко... Так, так... Вот это здорово! — добавил он, когда Роберт свирепым ударом отбросил его чуть ли не через весь ринг в правый угол. — Вот это я понимаю. Так ты, может, и победишь!

Когда Монтгомери серией мощных ударов загнал его в угол, Бартон от удовольствия даже рассмеялся:

— Э, милко, да ты делаешь успехи! Чуть было не сбил меня с катушек! Ну-ка, еще разок, так... Еще разочек...

Единственное, что не ускользнуло от доктора,—это диета, которую начал соблюдать Монтгомери.

— Извините меня за замечание, мистер Монтгомери,— ска-

зал как-то Олдакр,— но я вижу, вы стали чересчур привередливы к пище. Такая блажь вряд ли должна поощряться в ваши годы. Почему, например, вы едите и первое и второе с гренками, а не с простым хлебом?

— Просто мне так больше нравится, сэр.

— Но ведь это создает дополнительную работу кухарке. Я вот замечая, вы и картофеля совсем не употребляете...

— Да, сэр. Я решил, что так будет лучше для моего здоровья.

— Ну знаете ли... Так вы и пиво больше не пьете?

— Нет, сэр.

— Должен сказать, мистер Монтгомери, я против подобных капризов. Подумайте только, сэр, сколько на свете живет людей, для которых эта картошка и это пиво являются подчас недоступными лакомствами.

— Не сомневаюсь, сэр. Но тем не менее предпочитаю обходиться без них.

Они сидели за столом одни, и Роберт решил, что сейчас самое время отпроситься с работы на день состязания.

— Доктор Олдакр,— обратился он к своему патрону,— я был бы вам весьма признателен, если бы вы в ближайшую субботу отпустили меня с работы.

— Это не совсем удобно, мистер Монтгомери. Суббота — горячий день.

— Так в пятницу я сделаю в два раза больше, и все будет в порядке. Притом к вечеру я уже вернусь.

— Боюсь, что из этого ничего не выйдет.

Положение становилось затруднительным. Если его не отпустят, видимо, придется уйти без разрешения.

— Доктор Олдакр, помните, когда я поступал к вам, мы договорились, что раз в месяц у меня будет выходной день. Я еще ни разу не пользовался этим правом, но сейчас есть причины, которые вынуждают меня просить в субботу выходной.

Доктор сдался весьма и весьма неохотно.

— Разумеется,— кисло сказал он,— если вы настаиваете на своих формальных правах, то нечего и говорить, хотя, на мой взгляд, это показывает ваше безразличие к моим личным интересам и интересам дела. Вы продолжаете настаивать?

— Да, сэр.

Доктор Олдакр кипел от злости, но Монтгомери был слишком ценный помощник — спокойный, способный, трудолюбивый, и доктору совсем не хотелось терять его. Взять хотя бы случай, когда тот просил денег взаймы. Ведь дать их ему — значило пойти против собственных интересов, ибо никакого желания, чтобы Монтгомери кончил университет, у доктора не было. На-

оборот, он только того и желал, чтобы Роберт вечно оставался у него в помощниках и работал тем усерднее, чем ниже была его зарплата.

В настойчивости юноши, в спокойной решимости, слышавшейся в его голосе, когда он заявил о своих правах, было что-то такое, что возбудило любопытство доктора.

— Я не хочу вмешиваться в ваши дела, мистер Монтгомери, но скажите, уж не собираетесь ли вы провести субботу в Лидсе?

— Нет, сэр.

— Тогда на лоне природы?

— Да, сэр.

— Вы поступаете весьма разумно. Спокойный отдых на лоне природы облагораживает человека. И куда вы думаете направиться?

— В сторону Кроксли.

— О, там за чугунолитейным заводом прекрасные места. Что может быть лучше, чем греться на солнце, лежа на мягкой мураве с какой-нибудь поучительной книгой? Советую вам посетить развалины храма святой Бригитты — очень интересный памятник раннего нормандского периода. Кстати замечу, тут есть одно препятствие. Ведь, как я уже говорил, в субботу в Кроксли состоится кулачный бой. Соберутся хулиганы, от которых можно ждать чего угодно.

— Благодарю вас, сэр, за предостережение, я постараюсь избежать встреч с ними, — ответил Монтгомери.

В пятницу вечером, накануне боя, в спортзале собрались Уилсон, Пэрвис и Фоссет; они пришли еще раз взглянуть на своего боксера. Роберт в это время делал небольшую разминку. Он был в великолепной спортивной форме: он весь дышал здоровьем, мускулы так и играли, глаза горели энергией и уверенностью. Тройка ходила вокруг него и радовалась.

— Хорош! — воскликнул Уилсон. — Ей-богу, Монтгомери, тренировки пошли вам на пользу. Вы здорово окрепли, и видно, что вы готовы драться не на жизнь, а на смерть.

— Сил, конечно, в нем прибавилось, — сказал трактирщик, — только вот в поясе он, по-моему, немного жидковат.

— Каков вес сегодня?

— Десять стоунов одиннадцать фунтов, — ответил помощник доктора.

— Хм... Только три фунта спустил за неделю, — заметил объездчик. — Верно он тогда сказал — он и впрямь был в форме. Да... Материалец что надо, да только хватит ли его?.. — Го-

воря это, он задумчиво тыкал прямо в ребра Монтгомери, словно перед ним стояла одна из его лошадей.

— Я слышал, что Мастер и после тренировки весит сто шестьдесят фунтов.

— Но он, небось, не прочь скинуть парочку-другую из них, — возразил Пэрвис. — Мне говорили, что он никак не может отказаться от пива, и если бы не эта рыжая стерва, что ходит с ним, ему бы это ни в жизнь не удалось. На днях она чуть глаза не выцарапала официанту из «Чекверса», когда тот принес Мастеру галлон пива. Говорят, эта потаскуха — и любовница его и партнер во время тренировки. Бедная-то жена все глаза выплакала. Эй, пацан, тебе чего здесь надо?

В проеме распахнутой двери спортзала стоял незнакомый паренек лет пятнадцати, грязный и черный от масла и копоти. Он шагнул было в желтый круг света, отбрасываемый керосиновой лампой, но Тэд Бартон схватил его за шиворот:

— Куда, щенок, лезешь? Здесь чужим не место. Ну-ка мотай отсюда, нам шпиков не надо.

— Мне нужно кое-что сказать мистеру Уилсону.

Юный кембриджец выступил вперед.

— Слушаю, малыш. В чем дело?

— Я насчет завтрашнего боя, мистер Уилсон. Хочу рассказать вашему парню кое-что о Мастере.

— Послушай, мальчик, нам некогда слушать всякие басни. О Мастере мы и так все знаем.

— То-то и оно, что не все. Никто не знает, кроме меня и моей матери. Поэтому мы и решили рассказать вашему боксеру; уж очень нам хочется, чтобы он как следует надавал этому Мастеру.

— Вон чего ты хочешь! Что ж! Мы тоже этого хотим. Так что же ты нам хотел рассказать?

— Это ваш боксер, сэр?

— Предположим, что дальше?

— Тогда я ему скажу! Мастер слеп на один глаз. Д-да.

— Ерунда!

— Нет, не ерунда. Он не совсем слеп, а почти. Он скрывает это, но мы-то с матерью знаем. Напади на него с левой стороны — и он с тобой ничего не сделает. И смотри за ним, когда он отпустит правую руку. Это он готовит свой коронный удар — апперкот правой. Им Мастер обычно кончает бой, так говорят у нас на заводе. Это страшный удар! Берегись его!

— Спасибо, мальчик. Насчет слепоты — это стоящая штука, — сказал Уилсон. — Но откуда ты все это знаешь, а? Сам-то ты кто?

— Я его сын, сэр.

Уилсон присвистнул.

— Так кто же тебя послал к нам?

— Мать послала. Ну, мне пора.

— Постой, постой. Возьми-ка эти полкроны, малыш.

— Не-е, не надо. Я пришел сюда не из-за денег. Я пришел...

— Из-за любви, — подсказал трактирщик.

— Нет, из-за ненависти! — сказал мальчик и растворился в ночной темноте.

— Сдается мне, что рыжая-то стерва причинила Мастеру больше вреда, чем пользы, — сказал трактирщик. — Ну, мистер Монтгомери, на сегодня хватит. Лучшая тренировка перед боем — это сон, этак минуток на шестьсот. Надеюсь, завтра к этому времени вы вернетесь сюда целым и невредимым с сотней фунтов в кармане. Спокойной ночи.

II

На чугунолитейном заводе и угольных копях работу закончили в час дня — в три начинался бой. С доменных печей Кроксли, Уилсонских каменноугольных копей, Хертенской шахты, фабрик Додда, сталеплавильных заводов Леверворса — отовсюду двинулись на матч рабочие; каждый шел в сопровождении собственного фокстерьера или овчарки. Задавленные тяжелым трудом, полуодуревшие от изнурительной работы, согбенные от долгого пребывания в низких штреках и штольнях или полуослепшие за годы, проведенные у раскаленного добела жидкого металла, эти люди скрашивали свою суровую и подчас беспросветную жизнь единственным увлечением — спортом. Спорт был их единственной отрадой, только он хоть немного отвлекал их мысли от жалкой действительности, пробуждал в них какие-то надежды и стремления за пределами того черного заколоченного круга, в котором они пребывали. Наука, литература и искусство — все это находилось вне сферы их интересов, зато бега, футбольные матчи, крикет, бокс были им вполне понятны и доступны. Тут они могли с уверенностью спорить о событиях спортивной жизни, делать прогнозы и предположения на будущее. Подчас грубоватая, смешная любовь к спорту все еще остается в Англии одним из важных элементов народной жизни.

Стоял теплый майский день с переменной погодой: то светило солнце, то лил дождь. Роберт все утро провел в аптеке — готовил лекарства.

— Мистер Монтгомери, погода, видимо, так и не установится,— заметил доктор.— Я склонен думать, что вам стоит отложить свою прогулку до лучших времен.

— Боюсь, что мне придется сегодня идти, сэр.

— Хм, а мне тут как раз прислали записку: миссис Поттер, знаете, та, что живет на другом конце Энглтона, хочет повидаться со мной. Будет крайне неудобно оставить дом на столь длительное время пустым без присмотра.

— Извините, сэр, но мне нужно уйти,— упрямо заявил ассистент.

Видя, что спорить бесполезно, доктор сел в коляску и уехал в отвратительнейшем настроении. Как только коляска скрылась из виду, Монтгомери вздохнул с облегчением. Он тут же поднялся в свою комнату и уложил в саквояж трусы, майку, тапочки и спортивный пояс. Спустившись, он застал в приемной мистера Уилсона.

— Я слышал, доктор уехал?— спросил тот.

— Да, и кажется, на целый день.

— Впрочем, я полагаю, это не имеет значения,— заметил Уилсон.— Все равно к вечеру ему все станет известно.

— В том-то и дело, а для меня, мистер Уилсон, это не шутка. Конечно, если я выиграю, тогда все в порядке. Нет нужды скрывать, что сотня фунтов существенно меняет дело. Но если я проиграю, тогда я потеряю свое место, потому что, как вы сами сказали, скрыть от доктора ничего не удастся.

— Не беспокойтесь! Мы о вас позаботимся. Меня только удивляет, как это доктор ничего до сих пор не знает? Ведь в округе только и говорят о том, что драться с Мастером будете вы. Мы из-за этого даже слегка повздорили с Эрмтейджем, главным меценатом Мастера. Он стал было доказывать, что вы не имеете права выступать за наш спорт-клуб, пока сам Мастер не заявил, что будет драться с вами и ему наплевать, имеете вы право или нет. Но поскольку Эрмтейдж вложил в это дело деньги, он, если бы захотел, мог устроить нам какую-нибудь пакость, поэтому мне пришлось разъяснить ему, что вы удовлетворяете всем условиям пари и ему в конце концов пришлось согласиться, что тут полный порядок. Они там рассчитывают на легкую победу.

— Ну что ж, я приложу все силы, чтобы доказать обратное,— сказал Роберт.

Они завтракали вместе. Трапеза прошла молча и несколько напряженно: Монтгомери не переставал думать о предстоящем бое, Уилсон же о том, сколько денег он просадит в случае поражения.

Пароконный экипаж Уилсона ожидал их у крыльца. В ушах пряженых в коляску лошадей торчали бело-голубые розетки — спортивные цвета уилсонских каменноугольных копей, известные многим по футбольным матчам.

Несколько сот рабочих с женами и детьми столпились у ворот аллеи, ведущей к аптеке. Они шумно приветствовали экипаж. Ассистенту доктора Олдакра все происходящее казалось сказочным сном — в его жизни это было самое необыкновенное и захватывающее приключение, тем более необыкновенное и захватывающее, что вокруг него разгорелись человеческие страсти. Откинувшись на подушку, Монтгомери сидел в открытой коляске и видел, как из всех окон и дверей шахтерских домиков люди махали ему носовыми платками, выкрикивали приветствия. Уилсон приколот ему на лацкан бело-голубую розетку и теперь каждый знал, кто будет драться в предстоящем бою.

«Счастливого пути, сэр!», «Желаем удачи!» — несло со всех сторон. Монтгомери чувствовал, что он напоминает какого-то чуть романтического героя, спешащего на грубый рыцарский турнир, хотя в то же время во всем происходящем был и какой-то элемент благородства. Ведь он отправляется на бой и будет драться не только за себя, но и за других. Он может пасть в бою из-за неумения или нехватки сил, но в глубине души он поклялся, что это произойдет не из-за недостатка мужества или отваги.

Они проехали мимо Фоссета, взбиравшегося в эту минуту на свою высоченную двуколку. Он помахал им кнутом и плюхнулся в коляску.

Затем они нагнали Пэрвиса, красного, как помидор, трактирщика с его супругой, восседавшей в праздничной шляпке и накидке, и наконец врезались в людской поток. По мере приближения к Кроксли их украшенный розетками пароконный экипаж превратился в ядро кометы с теряющимися вдали блестящим хвостом. По обе стороны дороги натились шахтерские повозки — грубые и ветхие рессорные двуколки, потемневшие от времени и непогоды, переполненные шумными, сквернословящими, но добродушными болельщиками. Эта буйная процессия растянулась по дороге чуть ли не на четверть мили. Слышалась брань, щелканье кнутов, свист, крики и топот копыт. Всадники, пешеходы, повозки — все смешалось в одну кучу и двигалось в сторону Кроксли. Ко всему этому, цокая копытами и бряцая оружием, на дорогу вступил кавалерийский эскадрон территориальной конницы, проводившей в этих местах свои ежегодные учения. Он двинулся позади экипажа Уилсона, как бы составив почетный эскорт. Сквозь поднявшееся облако пыли Монтгомери видел медные каски, яркие мундиры, покачивающих

головами боевых коней, веселые, загорелые лица кавалеристов. Теперь больше, чем когда-либо, все походило на сказочный сон.

Когда они приблизились к длинному ряду уродливых зданий в форме огромных бутылей — то были сталеплавильные заводы Кроксли, — их длинную извилистую ленту пыли пересекала другая, еще более длинная лента; она, клубясь и извиваясь, потянулась мимо них. Большая дорога, с которой сливалась их собственная, была сплошь забита бурным потоком спешащих двуколок чугунолитейщиков. Армия Уилсона остановилась, ожидая, когда они проедут. В зависимости от настроения чугунолитейщики, проносясь мимо болельщиков противной стороны, или выкрикивали приветствия, или глухо ворчали. Грубые шутки, словно чугунные гайки или куски антрацита, летели туда и обратно. «Ха, да ему молочка из соски, а не драться!», «Эй, а вы захватили гроб, чтобы отвезти его обратно?», «Куда вы подевали своего калеку?», «Эй, паренек, сфотографироваться не забудь, а то потом не на что будет взглянуть!», «И этот недоделанный докторишка будет драться?!», «Подождите, вот подлецит вашего калеку и сразу станет настоящим доктором».

Так чугунолитейщики и шахтеры обменивались шутками, пока одна сторона стояла в ожидании, а другая, словно весенний поток, катила мимо. Вдруг по толпе пронесся взволнованный ропот, переросший в восторженный крик, и большая, вместительная коляска четверней, вся увитая алыми развевающимися лентами, с грохотом пролетела мимо. Впереди в белой шляпе с алой розеткой сидел кучер, а за ним на высоком сиденье расположились мужчина с женщиной, обнявшей его за талию. Монтгомери мельком взглянул на коляску и успел разглядеть, что мужчина был в меховой шапке, низко надвинутой на глаза, в толстом фризovém пальто, с алым шарфом на шее, а женщина — рыжеволосая, ярко накрашенная и наглая. Она возбужденно смеялась.

Мастер — это был он, — проезжая, обернулся и, внимательно оглядев Монтгомери, угрожающе усмехнулся, показав неровный ряд зубов. У него было грубое, свирепое, скуластое лицо с отвислыми щеками и злыми глазами. Их многоместный экипаж был битком набит спортивными меценатами. Тут были и гордые горновое мастера, и начальники цехов, и управляющие заводами. Один из них тянул из большой металлической фляжки и, проезжая мимо Монтгомери, поднял ее в знак приветствия. Наконец дорога очистилась, и армия Уилсона со своей кавалерией двинулась дальше.

Дорога свернула в сторону от Кроксли и, извиваясь, пошла вдаль среди зеленых холмов, сплошь израненных и изгаженных алчными искателями угля и железа. Вся прилегающая местность была выпотрошена и опустошена, а огромные отвалы пустой породы и горы шлака говорили о тех огромных пещерах, которые своим трудом вырыл под землей человек... Вскоре дорога повернула налево, туда, где виднелось огромное заброшенное здание, потрескавшееся и обвалившееся, без крыши и дверей, с пустыми квадратами окон, сквозь которые просвечивало голубое небо.

— Это старая фабрика Эрроусмита. Матч состоится там, — сказал Уилсон, — ну, как самочувствие?

— Благодарю вас, сэр. Лучше, чем когда-либо, — ответил Монтгомери.

— Ей-богу, мне нравится ваша выдержка! — заметил Уилсон. Сам он чувствовал себя неважно. — Во всяком случае, вы покажете нам за наши деньги настоящий бокс, а там будет что будет. Вон видите ту пристройку? Это контора, ее отвели под раздевалку.

Экипаж подъехал к зданию под шумные крики столпившихся на склоне холма людей. Ряды пустых колясок и двуколок растянулись вплоть до самого поворота, а черная людская масса, глухо ворча, осаждала разрушенную фабрику. Как сообщалось в огромной афише, входные билеты стоили один, три и пять шиллингов, а за собак взималось полцены. Вся выручка, за исключением накладных расходов, шла победителю, и уже сейчас было ясно, что приз в предстоящем бою намного превышает обусловленную сотню фунтов. У входа в здание стоял страшный галдеж. Рабочим хотелось ввести своих собак бесплатно. Администрация была против. Люди ругались, собаки лаяли. Толпа напоминала собой мутный горный поток, который, кружась и пенясь, с шумом медленно уходил сквозь узкую расщелину.

Перед конторой стоял уже пустой изукрашенный алыми лентами экипаж с четверкой дымящихся лошадей. Уилсон, Пэрвис, Фоссет и Монтгомери также сошли с экипажа и прошли внутрь.

Контора оказалась большой пустой комнатой с квадратными светлыми пятнами на почерневших стенах, там, где некогда висели картины и календари. Старый, истертый линолеум покрывал пол. Кроме нескольких скамеек и огромного стола со стоявшими на нем кувшином и тазом, никакой другой мебели здесь не было. В центре комнаты стояли большие весы. К вновь вошедшим торопливо подошел непомерно толстый мужчина в синем жилете и алом галстук в мелкий цветочек.

Это был Эрмитейдж — мясник и скотовод, известный на много миль вокруг как один из самых зажиточных людей и наиболее рьяный покровитель спорта в Рейдинге.

— Отлично, отлично, — говорил он густым хриловатым басом. — Наконец-то вы приехали. Ну, а где же ваш боксер? Давайте его сюда.

— Вот он, в целости и сохранности. Мистер Монтгомери, позвольте представить вас господину Эрмитейджу.

— Рад вас видеть, сэр. Счастлив познакомиться с вами. Мистер Монтгомери, осмелюсь вам сказать, мы в Кроксли восхищены вашей храбростью, и единственное наше желание — это посмотреть настоящий бокс, без всякого пристрастия к кому-либо. Пусть победит сильнейший — таково наше мнение.

— Вполне с вами согласен, — ответил помощник доктора Олдакра.

— Прекрасно, вы ответили так, как надо. Мистер Монтгомери, вы взяли на себя большое обязательство, но любое обязательство — большое или малое — всегда должно быть выполнено — это вам подтвердит любой, кто имел со мной дело. Крэгз, готовься к взвешиванию.

— Я тоже?

— Да, но нужно вначале раздеться.

Монтгомери вопросительно глянул на стоявшую у окна и смотревшую на улицу рослую рыжеволосую женщину.

— Не волнуйтесь, сэр, — заметил Уилсон. — Идите за занавеску и там переоденьтесь в спортивную форму.

Роберт скрылся за занавеску, и через некоторое время из-за нее вышла воплощенная Молодость. Одетый в белые свободные трусы, парусиновые тапочки, перетянутый в талии поясом цветов известного крикетного клуба, Монтгомери был натренирован в самую меру: кожа его сияла, словно шелк, а на широких плечах и красивых руках виднелся каждый мускул. Мускулы так и играли, когда он поднимал или опускал руки; они вязались в узлы и шары, твердые, как слоновая кость, или свивались в длинные жгуты.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросил Бартон, его секундант, стоявшую у окна женщину. Та презрительно оглядела юного атлета.

— Да, удружил же ты этому молодому человеку. Выставил вместо себя этакую сухоядину против настоящего мужчины. Да мой Джек одной рукой с ним справится!

— Может быть, так, а может, и нет, — усмехнулся Бартон. — У меня, например, было два фунта стерлингов, и я их все до последнего пенса поставил на этого паренька и ничуть

не жалею. А вот и сам Мастер. Здорово же он выглядит, ничего не скажешь.

Из-за другой занавески вышел, слегка прихрамывая на сломанную ногу, боксер-профессионал: коренастый, огромный, с чудовищной грудью и руками. Но кожа его не выглядела столь свежей и чистой, как у Монтгомери: она была смуглой, в каких-то непонятных бурых пятнах, с большой родинкой посреди густой поросли черных курчавых волос, покрывавших его широкую грудь. По его весу нельзя было судить о его силе, ибо эти могучие плечи и огромные руки с тяжелыми, словно кузнечный молот, кулаками, оказались бы под стать любому тяжеловесу. Однако бедра и ноги были непропорционально слабы. Монтгомери же был сложен, как греческий бог. По всему было видно, предстоит схватка между человеком, годившимся только для одного вида спорта, и другим, который мог бы заниматься любым. Они с любопытством оглядели друг друга. Бульдог и чистокровный поджарый терьер — оба были полны отваги и желания победить.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте. — Мастер снова усмехнулся, показав на мгновение три обломанных передних зуба, — остальные были выбиты за двадцать лет боев, — и, сплюнув на пол, добавил: — Хороший денек для боя?

— Отличный, — согласился Монтгомери.

— Вот это мне нравится, вот это по-людски! — прохрипел толстый мясник. — Ребята первый сорт! Какое мясо, какие кости! А главное — чтоб все у нас было честь по чести.

— Если он сковырнет меня, благослови его бог.

— А если мы сковырем его, помоги ему бог, — вмешалась в разговор женщина.

— Ты, паскуда, прикуси свой язык! — раздраженно рявкнул на нее Мастер. — Тебя кто просил встревать? Вот съезжу разок по морде, будешь знать.

Но женщина не обратила внимания на его угрозу.

— Э-э, на сегодня твоим кулакам и без меня хватит работы, — заметила она. — Сперва вот раздайся с этим, а там можешь и за меня приняться.

«Любовную» перебранку прервал вошедший в контору джентльмен в пальто с меховым воротником и таком блестящем цилиндре, какой можно встретить только в радиусе, не превышающем десяти миль от лондонского Гайд-парка. Цилиндр был небрежно сдвинут прямо на затылок, так что нижняя сторона поля служила как бы рамкой для его высокого, с залысинами лба, пронзительно смотрящих глаз и лица, имевшего несколько резкие, но тем не менее приятные черты. Он вошел с такой

торжественной важностью, с какой обычно выходят на арену распорядители цирка.

— Знакомьтесь, это мистер Стэплтон, рефери из Лондона, — сказал Уилсон. — Как ваше самочувствие, мистер Стэплтон? Я был представлен вам в Коринфском клубе, на Пикадилли, когда там происходило одно крупное состязание, помните?

— Э-э, милостивый государь, позвольте вам заметить, — сказал вошедший, пожимая руки, — меня со столькими людьми знакомят, что я просто не в силах запомнить всех. Кажется, Уилсон, так? Ну что же, мистер Уилсон, рад видеть вас. Не мог найти извозчика на станции, поэтому запоздал.

— Мистер Стэплтон, мы гордимся, что такой известный в спортивных кругах человек, как вы, приехал на наше маленькое состязание, — заявил Эрмитейдж.

— А, пустяки, ради бокса я готов на все. Ну, как, все готово? Боксеров взвесили?

— Сейчас взвесим, сэр.

— Отлично. Тогда я сам займусь этим. Не первый раз вас вижу, Крэгз. Помню вашу вторую встречу с Виллоксом. Вам удалось побить его раз, но тут он сумел поквитаться с вами. Так сколько там на весах? Сто шестьдесят три фунта, долой два на спортивный костюм, итого: сто шестьдесят один фунт. Так, теперь, мой мальчик, ваш черед. Бог ты мой, что это за спортивные цвета на вас?

— Анонимного крикетного клуба.

— По какому праву вы их носите? Я член этого клуба.

— Я тоже.

— Вы любитель?

— Да, сэр.

— И вы выступаете на этом состязании за деньги?

— Да.

— Надеюсь, вы отдаете отчет в своих действиях. Вы понимаете, что отныне вы становитесь профессиональным боксером, и что, если вы еще раз выступите...

— Этого не случится, я дерусь в первый и последний раз.

— Наверняка последний, — встала женщина.

Мастер свирепо глянул на нее.

— Ну что ж, вам виднее. А ну вставайте на весы. Сто пятьдесят один минус два — сто сорок девять фунтов, но молодость плюс здоровье тоже что-нибудь весят... Ну, чем скорее начнем, тем лучше: мне хочется успеть на семичасовой экспресс в Хелефильт. Условия такие: двадцать раундов по три минуты с минутными перерывами, бой идет по квинсберийским правилам, так?

— Да, сэр.

— Прекрасно, тогда приступим к делу.

Боксеры накиннули на плечи пальто, и все организаторы встречи — секунданты и рефери — направились в зал. Но едва они вышли из раздевалки, как дорогу им преградил полицейский инспектор. В руках у него была записная книжка — одно из тех грозных орудий, которые приводят в трепет даже лондонских извозчиков.

— Минутку, господа. Дайте-ка я запишу ваши фамилии на всякий случай — вдруг потребуются кого-нибудь из вас притянуть к суду за нарушение общественного порядка.

— Уж не хотите ли вы запретить бой? — вскричал Эрмтейдж в порыве негодования. — Я мистер Эрмтейдж из Кроксли, а это мистер Уилсон, и мы ручаемся, что все пройдет чин чинарем.

— Мне нужно записать ваши фамилии на всякий случай — вдруг кого-нибудь из вас придется привлечь к суду, — невозмутимо повторил инспектор.

— Но вы же нас и без того прекрасно знаете.

— Будь вы сам дьявол или судья, последнее хуже, — все равно... Закон есть закон, — ответил инспектор. — Я не могу взять на себя ответственность запретить бой, раз драться будут в перчатках, но я запишу всех лиц, к этому причастных. Сайлос Крэгз, Роберт Монтгомери, Джеймс Стэплтон из Лондона, Тэд Бартон. Кто секундант Сайлоса Крэгза?

— Я, — ответила женщина. — Глазеть сколько влезет, но секундантом буду я, и никто больше. Имя — Анастасия...

— Крэгз?

— Нет, Джонсон. Анастасия Джонсон. Если вы его посадите, то и меня сажайте.

— Ну что ты, дура, городишь! Кто говорит об аресте? — зарычал на нее Мастер. — Мистер Эрмтейдж, пойдемте отсюда, а то мне вся эта волынка уже обрыдла.

Полицейский инспектор присоединился к процессии, и, пока они пробирались на помост, он как официальное лицо — представитель власти на местах — выговорил себе у Эрмтейджа бесплатное местечко в первом ряду, чтобы оттуда следить за порядком, а затем уже как частное лицо у того же Эрмтейджа поставил на Мастера тридцать шиллингов по ставке семь к одному. Войдя в здание, все двинулись по узкому проходу, оставшемуся среди стеной стоявшей публики, — к деревянной лестнице, ведущей на помост, поднялись наверх и перешагнули через канаты, подвешенные на высоте пояса на четырех угловых стойках. И тут Монтгомери понял, что он находится на том самом ринге, где будет решаться его дальнейшая судьба.

На одной из угловых стоек развешался бело-голубой стяг, и Бартон провел его в этот угол и посадил на стул, а сам вместе со своим помощником — оба в белых свитерах — встал рядом.

Так называемый ринг представлял квадратную площадку размером двадцать на двадцать футов. В противоположном от Роберта углу виднелась мрачная фигура Мастера, рядом с ним его рыжая подруга и еще один малый с туповатым лицом — секунданты. Возле каждого боксера стояли таз и кувшин с водой, лежали губки.

Выйдя на ринг, Монтгомери был вначале настолько сбит с толку ревом и криком зрителей, что решительно не мог понять, что к чему. Однако, пока длилась заминка, происшедшая по вине рефери, вдруг куда-то запропастившегося, Монтгомери огляделся по сторонам. Взору его представилась интереснейшая картина, она запомнилась ему на всю жизнь. Длинные ряды деревянных скамеек круто уходили вверх под самый купол, вместо которого виднелись серый квадрат неба и огромная, медленно кружившаяся стая ворон. Большой зал до самого верха был сплошь забит людьми в различных одеяниях: на передних скамейках преобладало тонкое английское сукно, на задних — вельвет и бумазея. Лица всех сидящих были обращены на Роберта.

Сизый дым, кулившийся из тысячи трубок, постепенно окутывал зал, и воздух наполнился едким запахом крепкого дешевого табака. Там и сям среди зрителей виднелись собаки, скулившие и рычавшие. В такой плотной массе людей вряд ли кому удалось бы различить отдельные лица, поэтому единственное, что увидел Монтгомери — это мерцающий блеск медных касок, удерживаемых на коленях десятью кавалеристами из его почетного эскорта; у помоста расположились репортеры, пять человек, — трое из местных газет, а двое из самого Лондона. Но куда исчез главный персонаж предстоящего зрелища — рефери? Уж не попал ли он в тот шумный людской водоворот у входа?

Мистер Стэплтон отстал от остальных участников, чтобы осмотреть кожаные перчатки, в которых предстояло драться боксерам, поэтому вошел в здание позже всех. Он двинулся было по узенькому, оставшемуся среди плотной массы народа коридорчику, который вел на ринг, но толпа разъяренных людей преградила ему дорогу. Только что перед этим повсюду разнеслось, что боксер от уилсонских угольных копей — джентльмен и что другой джентльмен назначен судьей. Волна

подозрения прокатилась среди обитателей Кроксли. Им хотелось, чтобы рефери был свой парень, а тут, на тебе, совершенно посторонний, и Стэплтону отрезали путь, как только он ступил на порог. Возбужденная толпа окружила его; люди размахивали кулаками над его головой и проклинали его. Какая-то женщина кричала ему в самое ухо отвратительные ругательства, кто-то тыкал его в спину зонтиком. «Катись назад в свой Лондон! Тут и без тебя обойдутся! Пошел вон!» — неслось со всех сторон.

Стэплтон в запрокинутом на самый затылок блестящем цилиндре глянул вокруг себя из-под нависших бровей и понял, что находится в самом центре рассвирепевшей угрожающей толпы. Тогда он вытащил из кармана золотые часы, положил их на ладонь и спокойно заявил:

— Еще три минуты, и я отменю матч.

Толпа вокруг него так и взвыла. Его хладнокровный вид и вызывающе сдвинутый на затылок цилиндр прямо выводили людей из себя. Тяжелые кулаки угрожающе поднялись, но... очень трудно ударить человека, который не обращает на вас никакого внимания.

— Еще две минуты — и я отменю матч.

Толпа разразилась свирепой бранью. Горячее дыхание разъяренных людей обожгло ему лицо. Чей-то грязный кулак придвинулся к самому кончику его носа.

— Сказано тебе, проваливай! Убирайся туда, откуда пришел!

— Еще одна минута — и я отменяю матч.

И хладнокровное упрямство одного победило бурную, но нерешительную толпу. Вокруг послышалось: «Эй ты, пропусти его, а то и в самом деле отменит матч!..», «Пропустите его, пусть идет!», «Биль, чертов чурбан, оглох, что ли, ну-ка осадил назад!», «Дорогу рефери! Дорогу джентльмену из Лондона!»...

Стэплтон — его подталкивали сзади и чуть ли не на руках несли — добрался до ринга, где уже стояли два стула, один для него, а другой для его помощника-хронометриста. Он уселся на стул, руки положил на колени, цилиндр его съехал еще дальше на затылок, и сидел так — невозмутимый и важный, всем своим видом показывая, что он отчетливо осознает всю важность возложенной на него ответственности.

На помост взшел мясник Эрмитейдж, представительный, осанистый, и поднял толстые, усыпанные перстнями руки, призывая к молчанию.

— Джентльмены! — начал было он громко, но осекся и повторил чуть тише: — Джентльмены!

— И леди! — выкрикнул кто-то из публики, ибо в самом деле в числе зрителей виднелось много женщин.

— Эй, приятель, погромче! — закричал следующий.

— Эй, дядя, почему нынче свиные отбивные? — проревел третий.

Раздался общий хохот, собаки подняли лай. Эрмитейдж принялся взмахивать руками, словно дирижируя этим огромным хором. Наконец начавшееся вавилонское столпотворение постепенно утихомирилось, и наступило всеобщее молчание.

— Джентльмены! — прокричал Эрмитейдж. — Сейчас состоится встреча между боксерами среднего веса, то есть боксерами, чей вес не должен превышать одиннадцати стоунов восьми фунтов. При взвешивании оказалось: Крэгз весит одиннадцать стоунов семь фунтов, Монтгомери — десять стоунов девять фунтов. Условия матча: двадцать раундов, каждый раунд по три минуты, перчатки двухунциевые. В случае, если бой продлится до конца, победа присуждается по очкам. Матч любезно согласился судить известный лондонский рефери мистер Стэплтон. Мистер Уилсон и я — финансовые организаторы состязания — полностью доверяем мистеру Стэплтону и просим вас также принимать его решения без возражений.

Произнеся эту тираду, мистер Эрмитейдж обернулся к обоим боксерам.

III

— Монтгомери!.. Крэгз!.. — сказал он. Вокруг воцарилась гробовая тишина. Даже собаки и те перестали лаять. Зал словно вымер. Оба боксера встали, поправили надетые на руки кожаные перчатки, выступили на середину арены и пожали друг другу руки: Монтгомери серьезно, Крэгз — с ухмылкой. Затем они заняли боевую позицию. Толпа глубоко вздохнула с таким шумом, словно по залу прошел ветер. Стэплтон откинулся назад на своем стуле и критически оглядел боксеров.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: предстоит бой силы против ловкости. Колченогий Мастер невозмутимо возвышался на своей изуродованной ноге, словно на гранитном постаменте. Глядя на него, даже представить было трудно, что кому-то удастся свергнуть этого колосса. На покаленной ноге он мог вращаться с неимоверной быстротой, хотя перемещаться вперед или назад ему было гораздо трудней. Мастер по сравнению с Монтгомери казался огромным и массивным, а его загорелое грубое лицо выглядело таким свирепым и решительным, что сердца сторонников Уилсона упали. В этот

час только один человек не пал духом. Это был Роберт Монтгомери.

Всякое волнение, которое он испытывал раньше, исчезло, как только он ясно увидел стоящую перед ним цель. Теперь она приняла вполне осязаемые формы—надо побить вот этого хромого Геркулеса со свирепым лицом, а в награду получить диплом врача. Он весь сиял, ощущая радость предстоящей битвы, чувство уверенности и силы охватило его, глаза загорелись. Он начал подходить к своему противнику маленькими шагами, шаг вперед— шаг назад, лавируя то вправо, то влево, тогда как Крэгз с угрюмым и злобным выражением лица медленно поворачивался на покалеченной ноге, слегка выставив левую руку и низко опустив правую. Монтгомери начал бой левой— ударил раз, потом другой. Он бил не сильно, и каждый раз попадал в цель. Попробовал в третий, но Мастер отразил встречным ударом, и Монтгомери отскочил назад, не выдержав мощной контратаки. Анастасия, секундант Крэгза, издала пронзительный вопль в знак одобрения. Мастер ударил правой, но Монтгомери нырнул ему под руку и вошел в клинч.

— Брек! Брек! — кричал рефери.

Мастер ударил Роберта снизу вверх и чуть не сшиб его с ног. Затем послышалось: «Время!» — и первый раунд закончился. Начало было хорошее. Зрители шумели и аплодировали. Монтгомери ничуть не устал, тогда как волосатая грудь Мастера тяжело вздымалась и опускалась. Секундант выжал ему на голову мокрую губку, а Анастасия принялась обмахивать полотенцем.

— Славная бабенка! Славная! — кричали зрители, одобряя ее действия.

Начался второй раунд. Мастер настороженно выжидал: Монтгомери вертелся вокруг него, словно веселый котенок. Внезапно Мастер ринулся к нему, заковывая с такой быстротой, которой никто от него не ожидал. Роберт, отскочив в сторону, увернулся от удара. Мастер приостановился и, зловеще усмехнувшись, покачал головой. Затем он сделал знак рукой, как бы приглашая Монтгомери подойти поближе. Роберт двинулся, ударил левой, но получил взамен удар свингом прямо по ребрам. Этот тяжелый удар на мгновение ошеломил его, Мастер ринулся к нему, чтобы нанести решительный удар, но верткий Монтгомери сумел уклониться от опасных встреч до тех пор, пока не раздалось: «Время!»

Раунд прошел вяло, при явном преимуществе Крэгза.

— Да, Мастер слишком для него силен, — сказал один из литейщиков своему соседу.

— Это верно, но и тот ничего, ладный паренек. Он еще покажет себя. Видал, как он прыгает здорово?

— Но все-таки Мастер намного сильнее, да и бьет страшно. Вот увидишь, тот у него еще попрыгает, когда он до него доберется.

Началась новая схватка. Лица боксеров блестели от пота. Монтгомери нанес молниеносный удар правой — его кулак гулко ударил Мастера в бровь. Раздался единодушный рев со стороны шахтеров и громкое: «Молчать! К порядку!» — со стороны рефери. Монтгомери ушел от встречного удара и заработал еще одно очко ударом левой. Публика вновь зааплодировала, а рефери, возмущенно приподнявшись, сказал:

— Прошу не шуметь во время боя, господа.

— Так проучите их немного! Проучите! — зарычал Мастер.

— Прикусите язык. Бой! — оборвал его рефери.

Монтгомери ударом в зубы подкрепил слова судьи, и Крэгз, закончив этот неудачный для него раунд, словно расшаривший медведь, тяжело заковылял в свой угол.

— Кто хочет поставить семь к одному? — закричал трактирщик Пэрвис. — Шесть к одному?..

Но желающих не нашлось.

— Пять к одному?..

На это предложение откликнулось несколько человек, и Пэрвис занес их в свою засаленную записную книжку.

Монтгомери пребывал в блаженном состоянии покоя. Он отдышал в своем углу, вытянув ноги и опираясь спиной об угловую стойку, широко раскинув руки, положив их на канаты. Ах, как приятны эти минуты между раундами! Он чувствовал, что победит, не надо только увлекаться и подставлять себя под удар, ибо противник его наверняка выдохнется еще задолго до конца матча. Мастер настолько медлителен, что вся его сила уходит впустую.

— Хорошо дерешься, молодец! — прошептал Тэд Бартон Роберту. — Будь только осторожен и внимателен, не подставляй себя — и он твой.

Но Мастер был хитер. Он провел столько боев уже будучи хромым, что знал, как выжить из своей покалеченной конечности все возможное. Осторожно и медленно он кружил около Монтгомери, наступая вперед. Шаг и еще шаг — до тех пор, пока незаметно не загнал его в угол. Роберт вдруг увидел: угрюмое лицо противника вспыхнуло торжеством, а в тусклых зловещих глазах появился злобный блеск. Мастер накинулся на него, Монтгомери отскочил в сторону... и попал прямо на

канат. Мастер, что есть силы обрушил на него один из своих страшных апперкотов правой, Монтгомери согнулся под тяжестью удара и наполовину раскрылся. Он отпрыгнул в другую сторону и опять налетел на канат. Мастер загнал его в ловушку. Он собрался нанести еще один удар правой со зверским криканьем, свидетельствовавшим о страшной силе. Монтгомери сумел увернуться, получив взамен сокрушительный удар левой. Тогда он вошел в клинч.

— Брек! Брек! — закричал рефери.

Выходя из клинча, Монтгомери получил жестокий боковой удар по уху. Это был тяжелый для него раунд, и литейщики оглушительным ревом выражали свое одобрение Мастеру.

— Господа, я этого не потерплю! — прогремел Стэплтон. — Я привык председательствовать в приличных клубах, а не в зверинце.

Этот маленький человек в цилиндре набекрень и с большим выпуклым лбом один властвовал над всей огромной толпой, словно учитель над своими учениками.

Когда Мастер вернулся к себе в угол и уселся на поставленный стул, Анастасия расцеловала его.

— Славная бабенка! Ну-ка еще разок! — закричали, смеясь, из публики, и Мастер погрозил ей кулаком.

Монтгомери испытывал усталость и боль, но бодрость не покидала его. Он кое-чему научился, теперь его уже не заманишь в подобную ловушку.

В течение трех последующих раундов шансы были равны. Монтгомери наносил удары чаще, Мастер — сильнее. Усвоив полученный урок, Роберт старался держаться открытых мест, не давая загнать себя в угол. Иногда Мастеру удавалось прижать его к боковым канатам, но юноша тут же увертывался в сторону или же входил в клинч, выходя из него только на середине ринга. В этих случаях монотонный крик рефери: «Брек! Брек!» — прерывал частый глухой топот резиновых тапочек, гулкие удары и резкое свистящее дыхание двух усталых мужчин.

К девятому раунду оба боксера находились в довольно сносном состоянии. Правда, голова Монтгомери все еще гудела от полученного в углу удара, а большой палец на левой руке причинял острую боль — он был, видимо, вывихнут. Мастер особых признаков усталости не проявлял, однако его дыхание было сильно затрудненным, а длинная цепь очков на судейском листке была явно не в его пользу. Но один удар литейщика стоил трех ударов помощника доктора, и юноша понимал, что без перчаток он не выдержал бы и трех раундов. Те удары любителя, которые он наносил, представляли собой лишь щелчки

по сравнению со страшными ударами, которые наносились руками, заглубившимися за время долгой работы с лопатой и аншпугом.

Шел десятый раунд. Половина матча. Ставки уже делались только три к одному, ибо боксер с Уилсонских каменноугольных копей превзошел все ожидания. Однако те, кто знал мастерство, хитрость и изворотливость старого профессионального боксера, понимали, что преимущество все еще на стороне Мастера.

— Берегись! — прошептал Бартон, посылая Монтгомери на бой. — Берегись! Он еще сыграет с тобой шутку, смотри.

Но Монтгомери увидел, а может, это ему показалось, что противник совсем выдохся. Он выглядел таким усталым и апатичным, что даже руки у него повисли. Наконец-то начинают сказываться его преимущества: молодость и здоровье, решил Роберт. Он одним прыжком покрыл расстояние, отделявшее его от противника и нанес великолепный удар левой. Ответному удару Мастера явно не хватало свойственной ему силы. Монтгомери снова нанес удар и снова попал в цель. Затем он попытался ударить с правой, но Мастер отвел его ударом вниз.

— Слишком низко! Слишком низко! Нечестно! Нечестно! — закричали тысячи голосов.

Рефери медленно обвел толпу насмешливым взглядом.

— Сдается мне, что в этом зале полно судей, — сказал он.

Зрители рассмеялись и зааплодировали, но их восхищение так же не подействовало на судью, как и их гнев.

— Пожалуйста, без аплодисментов, — сказал он, — здесь не театр.

Монтгомери был страшно доволен собой. Совершенно очевидно, положение у его противника отчаянное. Он уже обставил его по очкам и прочно идет впереди. Надо ковать железо, пока горячо. У Мастера был совершенно растерянный вид. Монтгомери двинул ему еще разок в сизую скулу и отскочил назад, не получив ответного удара. И тут вдруг Мастер опустил обе руки и принялся растирать ногу выше колена. А-а! Вот оно что! У него судорога!

— Давай! Жми! — неистово вскричал Тэд Бартон.

Монтгомери бешено рванулся вперед и в следующее мгновение лежал посреди ринга в полубоюморочном состоянии с едва не сломанной шеей.

Вся схватка целиком была лишь хорошо задуманной маскировкой с целью усыпить бдительность противника и заманить его на один из тех страшных апперкутов, которыми прославил-

ся Мастер. Вот для чего нужны были видимость усталости, апатии и судороги в ноге. Чересчур рьяно ринувшись в атаку, Монтгомери подставил себя под такой удар, который вряд ли кто из смертных сумел бы выдержать. Резкий, направленный от пояса к подбородку, удар кулаком, в который Мастер вложил все одиннадцать стоунов собственного веса, пришелся прямо в челюсть. Монтгомери завертелся волчком и рухнул как подкошенный — оглушенный и беспомощный. Невнятный стон пронесся по залу, возбужденные зрители что-то бормотали, перешептывались и, разинув рты, во все глаза глядели на судорожно подергивающееся тело.

— Назад!.. Назад! — завопил рефери, когда Мастер вплотную навис над распростертым человеком, готовый нанести ему завершающий удар, едва он начнет подниматься.

Мастер опустил руки и отошел к канату, не сводя свирепых глаз со своего поверженного противника. Хронометрист отсчитывал секунды. Если при счете «десять» Монтгомери не встанет на ноги, бой будет считаться законченным. Тэд Бартон в отчаянии ломал руки и нетерпеливо переминался в своем углу. Откуда-то издалека, словно сквозь тяжелый кошмарный сон, до Монтгомери доносился голос хронометриста:

— Три... четыре... пять...

Монтгомери приподнялся на одну руку.

— Шесть... семь...

Он встал на колени, мертвенно бледный, испытывая страшное головокружение и слабость, но полный решимости встать, встать во что бы то ни стало.

— ...Восемь...

Он поднялся.

Мастер, как бешеный тигр, набросился на него, нанося беспощадные удары обеими руками.

Все затаили дыхание в ожидании печального конца, тем более печального, когда мужественный, но беспомощный человек продолжает бороться, ни за что не желая сдаться.

Человеческий мозг — удивительная машина. Совершенно бессознательно, нисколько не напрягаясь, сбитый с толку, оглушенный, обессиленный юноша вспомнил единственную вещь, которая могла его спасти, — вспомнил о слепом глазе, о котором говорил ему сын Мастера. По виду этот глаз ничем не отличался от другого, но Монтгомери ясно помнил, что речь шла о левом. Он кинулся влево, чуть не сбитый с ног свирепым драйвом, угодившим ему в плечо. Мастер повернулся на сломанной ноге и снова оказался перед ним.

— Бей его! Бей! — кричала женщина.

— Прикусите язык! — оборвал ее рефери.

Монтгомери раз за разом уходил влево, но Мастер был проворен и умен. Когда Монтгомери попытался еще раз уйти влево, он развернулся в обратную сторону и ударил его прямо по лицу. Колени Монтгомери подогнулись, и он со стоном свалился на пол. Он чувствовал, что на этот раз с ним все кончено. С горечью он понял, пока слепо шарил по полу руками, что больше ему не подняться. Где-то далеко-далеко, как сквозь вату, среди гула множества голосов, он слышал роковой голос, отсчитывающий секунды:

— Один... два... три... четыре... пять... шесть...

— Время! — сказал судья.

Тут долго сдерживаемые страсти огромной толпы вырвались наружу. Обитатели Кроксли издали глухой стон разочарования. Уилсоновцы вскочили на ноги, крича от радости: значит, еще есть надежда. Какие-нибудь четыре секунды — и с их боксером было покончено. Но сейчас у него впереди целая минута, за это время он сумеет оправиться.

Рефери огляделся с расплывшимся от удовольствия лицом и смеющимися глазами. Его судейский стул и шляпа запрокинулись назад так, что казалось, того и глядя упадут; он и хронометрист понимающе переглядывались друг с другом. Тэд Бартон и второй секундант бросились к лежащему Монтгомери и, подняв его за руки и за ноги, осторожно потащили в угол и там усадили на стул. Голова Роберта бессильно раскачивалась из стороны в сторону, и казалось, что он так и не придет в себя, но холодная вода, вылитая ему на голову, вызвала у него дрожь, и он, очнувшись, бессмысленно посмотрел вокруг.

— Ура! Он очухался! — закричали все вокруг. — Молодец! Вот удалой малый!

Бартон влил ему в рот несколько капель бренди. Туман в голове немного рассеялся, и Монтгомери наконец стал понимать, где он и что с ним. Но он все еще был слаб и не надеялся, что сумет продержаться хотя бы один раунд.

— Секунданты, с ринга! — раздался голос рефери. — Время! Мастер из Кроксли нетерпеливо вскочил со стула.

— Держись от него подальше! Дай себе небольшую передышку, — прошептал Роберту Бартон, и Монтгомери снова, уже в который раз, двинулся навстречу своему противнику.

Он получил два урока — первый, когда Мастер загнал его в угол, и второй, когда его обманным путем заманили на ближний бой с таким сильным противником, как Крэгз. Впредь он будет осторожен. Еще один такой удар прикончит его, больше он не может рисковать. Мастер же твердо решил использо-

вать достигнутое преимущество и яростно накинулся на Монтгомери, бешено работая правой и левой. Но Монтгомери был достаточно молод и увертлив, и изловить его было трудно. Он уже твердо стоял на ногах, да и сознание его прояснилось, а с ним вернулась и сообразительность. Это было интересное зрелище: тяжелый броненосец, старающийся сокрушить бортовым залпом накрыть маленький увертливый фрегат, маневрирующий так, чтобы не попасть под его прицельный огонь. Мастер выложился весь. Он заманивал студента, разыгрывая усталость; обрушивался на Монтгомери в стремительных атаках. На протяжении трех раундов он, стремясь добраться до своего противника, использовал до отказа все трюки, какие только знал. Монтгомери с каждой минутой ощущал, как силы возвращаются к нему. Боль от удара почти прошла. Весь первый после нокдауна раунд ему пришлось ограничиться только защитой, и он был страшно доволен, когда ему удавалось ловко ускользнуть из-под убийственных ударов Мастера. Во втором раунде он уже отваживался изредка пускаться в легкие контратаки. В третьем — наносил ответные удары, как только видел незащищенное место. Его сторонники после каждого раунда криками выражали свое одобрение. Даже чугунолитейщики и те подбадривали его с тем благородным бескорыстием, которое присуще настоящим болельщикам. Для большинства из них — людей не слишком интеллектуальных и лишенных воображения — этот юный Аполлон, ставший выше поразившего его несчастья и упорствующий в своем стремлении победить, покуда в нем теплится хоть искра сознания, служил примером настойчивости и мужества, редко встречающихся в их жизни.

Тем временем Мастер, и без того имевший угрюмый нрав, все более свирепел, видя, как победа ускользает из его рук. Всего три раунда назад исход боя, казалось, был уже решен, а тут приходилось начинать все сначала. Раунд за раундом его противник становился все крепче, все сильнее. К пятнадцатому раунду нарушенное дыхание Роберта полностью восстановилось, ноги и руки снова окрепли. Однако наблюдательная Анастасия заметила в его поведении нечто ободрившее ее.

— Тот удар по ребрам, кажется, начинает сказываться, Джек, — шепнула она Мастеру. — Иначе чего бы ему так тянуться за бренди. Давай, жми, милый, и он будет твой.

Действительно, как раз в эту минуту Монтгомери быстро выхватил из рук Бартона фляжку и сделал продолжительный глоток. Вслед за тем он со слегка порозовевшим лицом и с каким-то странным выражением целеустремленности в глазах, заставившим рефери пристально посмотреть на него, поднялся на шестнадцатый раунд.

— Драться до конца, как уговорились! — закричал трактирщик Пэрвис, увидя этот неподвижный взгляд.

— Давай, врежь ему! Врежь! — кричали литейщики своему боксеру.

И возбужденный гул пробежал по их рядам, как только они поняли, что их более закаленный и сильный боксер явно берет верх.

Внешне ни на одном из боксеров не было видно почти никаких повреждений. Кожаные перчатки тем и хороши, что, нанося сокрушительные удары, оглушают человека, но открытых ран не оставляют. Правда, у Мастера один глаз так заплыл, что сравнялся с щекой, а у Монтгомери на теле виднелись два-три синяка; лицо его сильно осунулось и побледнело, если не считать красных пятен на щеках, вызванных бренди. Его немного покачивало, когда он встал против Мастера, руки бесильно повисли, словно двухунцивые перчатки, и те стали непомерно тяжелы. Было ясно: он вымотался и отчаянно устал. Еще один удар — и ему не подняться. А если ему и удастся ударить Мастера, тот даже не почувствует его удара: слишком он, Монтгомери, ослаб, и нет у него никаких шансов свалить этого колосса.

Этот раунд должен был решить исход матча.

— Давай, врежь ему, врежь! — истошно ревели болельщики из Кроксли.

Даже суровые взгляды судьи были не в состоянии унять разбушевавшуюся толпу.

Монтгомери выжидал благоприятный момент. Он хорошо усвоил урок, что преподавал ему более опытный противник. Почему бы ему самому не разыграть шутку, которую разыграли с ним, подумал он. Он, конечно, устал, но не в такой степени, как это внешне могло показаться. Глоток бренди вызвал в нем прилив энергии и придал силу, которой он может воспользоваться, если представится случай. Бренди будоражило кровь, а он делал вид, что валится с ног. Роль свою он разыграл отлично. Мастер решил, что перед ним легкая добыча и кинулся на него с удвоенной энергией, стремясь разом покончить с ним. Он обрушил на него не один, не два, а лавину ударов: левой — правой, правой — левой. Он прижимал Монтгомери к канатам, нанося свирепые удары и при этом так зверски кричал, что было видно: он вкладывает в эти удары всю свою силу.

Однако Монтгомери был достаточно осмотрителен, чтобы не попасть ни под один из этих убийственных апперкотов. Он изворачивался, ловко отступая в сторону, подпрыгивал, уходя от

ударов, блокировал их, наносил ответные, но все это он проделывал с видом человека, который совершенно безнадежен. Мастер, уставший от своих собственных беспорядочно наносимых ударов, нисколько не боясь, как ему казалось, совершенно ослабевшего противника, на какую-то долю секунды опустил руки, и в это мгновение правая рука Монтгомери настигла его.

Это был великолепный удар: короткий, снизу вверх, удар всем корпусом, удар, в который вложили всю силу мышц ног, плеч, рук. Он пришелся как раз туда, куда был нацелен, — точно в сизую челюсть.

Ни одна живая душа не могла бы выдержать такого удара, да еще в такое место. И никакое мужество не могло спасти человека, которому он достался.

Мастер опрокинулся навзничь, стукнувшись об пол с таким грохотом, что казалось, рухнул потолок. Крик, который не сдержал бы ни один рефери, вырвался из тысячи глоток. Мастер лежал на спине, ноги его слегка подогнулись в коленях, гигантская волосатая грудь тяжело вздымалась и опускалась. Он трясся, дергался, но сдвинуться с места не мог. Потом по ногам его пробежала судорога, и он затих. Сопротивляться было бесполезно. Он вышел из игры.

— Восемь... девять... десять... Аут! — произнес хронометрист, и рев тысячи зрителей с оглушительным громом, подобным залпу орудий большого линкора, известил, что Сайлос Крэз перестал быть Мастером из Кроксли.

Монтгомери стоял, изумленно глядя на огромное распростертое тело. В эту минуту он едва ли понимал, что действительно все кончено. Он видел рефери, направляющегося к нему с протянутой рукой, слышал свое имя, выкрикиваемое со всех сторон, и наконец заметил, как кто-то бежит прямо на него. На какое-то мгновение он успел разглядеть разгневанное лицо в пылающем ореоле рыжих волос, и тут чей-то кулак ударил его прямо промеж глаз, и он рухнул на пол, растянувшись рядом со своим противником, тогда как с полдюжины его сторонников пытались оттащить от него разъяренную Анастасию. До его ушей донесся сердитый возглас рефери, визг разъяренной женщины и рев толпы, а затем в голове что-то лопнуло, подобно натянутой струне, и он куда-то провалился.

Уже потом, как во сне, он оделся, как во сне увидел Мастера с дружелюбно протянутой рукой и усмешкой бульдога на лице, как во сне слышал его слова:

— Еще несколько минут назад, сынок, я с удовольствием бы свернул тебе шею, но сейчас я против тебя ничего не имею.

Здорово ты саданул меня, ничего не скажешь — такого удара я не получал с восемьдесят девятого года, со дня своей второй встречи с Билли Эдвардсом. Может быть, ты хочешь продолжить это дело? Если так, то лучшего тренера, чем я, нигде не найдешь. А может быть, тебе больше нравится старинный бой, знаешь, на кулаках без перчаток? В общем, как надумаешь, пиши мне сюда на чугунолитейный.

Монтгомери поблагодарил его за честь, но категорически отказался от предложения. В эту минуту ему вручили тяжелый парусиновый мешочек, полный золотых монет, — сто девяносто соверенов, из которых десять он передал Мастеру, получившему также и свою долю денег, вырученных при продаже билетов.

Затем Роберт вместе с Уилсоном, поддерживающим его с правой стороны, Пэрвисом — с левой (Фоссет нес сзади мешок с деньгами), уселся в экипаж и с триумфом, под восторженные крики людей, выстроившихся, словно частокол, вдоль дороги чуть ли не на протяжении всех семи миль до шахтерского поселка, доехал до края поселка и там сошел.

— Вот здорово!.. Вот это да!.. — всю дорогу восклицал Уилсон, которого бой привел в состояние, близкое к экстазу. — Это же просто замечательно! Я еще такого не видел. Знаешь, в Барнсли живет один малый, он о себе воображает больше, чем нужно. Давай-ка мы тебя сведем с ним и покажем ему, где раки зимуют. Соберем приз, так ведь, Пэрвис? Да тебя любой финансировать возьмется!

— Я его поддержу против любого боксера среднего веса, — сказал трактирщик, — какого бы тот ни был возраста, происхождения и цвета кожи. При условии двадцать раундов по три минуты.

— Я тоже! — вскричал Фоссет. — Чемпион мира в среднем весе — вот кто сидит перед нами.

Но Монтгомери на лесть не поддался.

— Нет, — заявил он, — теперь меня ждут другие дела.

— Какие еще у вас дела?

— Мне надо получить медицинское образование.

— Э-э, бросьте, докторов у нас и так, как собак нерезаных, а вот людей, которые могли бы нокаутировать Мастера из Кроксли, совсем мало. Впрочем, вам лучше знать, что делать. Когда станете доктором, можете смело приезжать к нам, в наши края. В Уилсонских копиях вам всегда обеспечено место.

В аптеку Монтгомери вернулся окольным путем. У крыльца стояла докторская коляска и пара лошадей в мыле и пене. Доктор только что вернулся. Пока не было Монтгомери, несколько пациентов, не дождавшись, ушли, так что Олдакр пребывал в отвратительном настроении.

— По всей вероятности, мне надо радоваться, что вы наконец вернулись, мистер Монтгомери. — прошепел он. — Я надеюсь, когда вы в следующий раз возьмете себе выходной день, это будет не в столь неподходящее время.

— Мне жаль, сэр, что я причинил вам некоторые неудобства.

— Некоторые?! Да вы причинили мне не некоторые, а значительные неудобства.

Сказав это, доктор впервые взглянул в лицо своему собеседнику.

— Боже мой, что это с вами? — и он показал на то место, где Анастасия оставила в знак протеста свою отметку.

Монтгомери улыбнулся.

— А-а, пустяки.

— И на подбородке у вас синяк. Я не потерплю, чтобы мой помощник появлялся на людях в таком непристойном виде. Где это вас так угораздило?

— Сэр, как вам известно, сегодня в Кроксли состоялась встреча боксеров.

— И вы оказались среди этой грубой черни?

— Да, мне пришлось побыть среди них.

— И кто же вас так разделал?

— Один из боксеров.

— Кто именно?

— Мастер из Кроксли.

— Боже ты мой! Вы, видимо, чем-то задели его?

— Да, по правде говоря, я его немного задел.

— Мистер Монтгомери, к сожалению, я должен заявить вам, что при такой практике, как у меня — ведь я лечу самые передовые круги нашего небольшого городка, — так дальше продолжаться...

В этот момент с улицы до них донесся протяжный звук корнета, вслед за которым под окном лаборатории грянул торжественный гимн в исполнении большого духового оркестра Уилсонских каменноугольных копей:

— Славься, славься, наш славный герой...

Перед аптекой собралась большая толпа шахтеров. Они держали какой-то плакат и возбужденно пели.

— Что это такое? Что это значит? — рассердился Олдакр.

— Это значит, сэр, что я достал нужные мне деньги тем единственным способом, который у меня остался, и считаю своим долгом предупредить вас, доктор Олдакр, что вам следует, не теряя времени, подыскать себе нового помощника.

НА РИНГЕ

Мой дядя, сэр Чарльз Треджилис, и лорд Лоутъен Хьюм заключили пари. На огромную сумму. Каждый выставил своего боксера. Первый — Гаррисона, кузнеца, бывшего чемпиона по боксу; второй — Уилсона, молодого боксера из Бристоля. Наконец наступил день встречи.

В Кроулей-Дауне, в этой расположенной вдали от жилья местности, собралась огромная толпа людей. Она глухо волновалась в ожидании начала состязания. Судьи и главные участники предстоящего матча долго спорили, начинать или нет, пока Беркли Кревен, главный арбитр, не приказал начинать.

Но увы, есть власть, которая выше власти главного судьи, и мы все стали свидетелями официального акта, часто служившего прелюдией, а иногда и концом многих боксерских состязаний того времени. Вдали по поросшему вереском торфянику скакал на лошади в сопровождении двух верховых какой-то господин во всем черном и в высоких охотничьих сапогах. Маленькая группа всадников то четко вырисовывалась на вершине того или иного холма, то вновь скрывалась из виду. Более зоркие в толпе уже давно с подозрением следили за приближавшимся черным всадником, но большинство заметило его лишь тогда, когда тот остановил лошадь на вершине ближайшего холма, возвышавшегося амфитеатром, и зычным голосом возвестил, что он является представителем власти его величества короля Англии в графстве Суссекс и что он объявляет это собрание противозаконным и уполномочен разогнать его, если потребуется, силой.

Никогда до этого я не предполагал, какой глубокий страх и уважение, многие столетия служившие дубинкой в руках закона, сидят в сердцах этих свирепых и буйных сынов туманного Альбиона. Вот на одной стороне обычный человек всего с двумя помощниками, а на другой — тридцать тысяч разъяренных, обманутых в своих ожиданиях людей, большая часть которых по профессии кулачные бойцы или выходцы из самых опустившихся и опасных слоев общества. И тем не менее этот единственный человек уверенно угрожал прибегнуть к силе, тогда как громадная толпа колебалась и глухо, словно разъяренный дикий зверь, ворчала, столкнувшись с более могучей силой, спорить или сопротивляться которой, она понимала, бесполезно.

Тем не менее мой дядя вместе с Беркли Кривеном и дюжиной других джентльменов направились сквозь толпу к нарушителю общего веселья.

— Я полагаю, у вас есть ордер, сэр? — сказал Кревен.

- Разумеется! — был ответ.
- Тогда разрешите мне взглянуть на него.
- Пожалуйста.

Всадник протянул голубой лист бумаги, над которым тотчас склонили головы все эти господа — из них многие сами были крупными чиновниками, способными обнаружить малейшую ошибку, вкрадшуюся в формулировку официального документа. Наконец Кревен пожал плечами и вернул ордер.

- Кажется, все правильно, — заметил он.

— Полагаю, что так, — снисходительно подтвердил представитель власти. — Господа, чтобы вам зря время не тратить, предупреждаю раз и навсегда, я ни при каких условиях не допущу состязания в графстве, где я поставлен следить за порядком. Я буду следовать за вами целый день, а свое решение исполню.

По своей наивности я думал, что все кончено и соревнование не состоится. Однако я недооценил предусмотрительности организаторов подобного рода зрелищ и не учел тех достоинств, которые делаю Кроулей-Даун любимым местом для таких состязаний. Тут же состоялось коротенькое совещание между главными участниками, держателями пари, судьей и хронометристом.

— До границ графства Хемпшир семь миль, а Суррея — две, — сказал Джексон-хронометрист.

В честь соревнования этот известный мастер спорта был одет в свой самый лучший красный мундир с золотыми позументами, белый галстук, новый цилиндр с широкой черной лентой, в бриджи, отделанные кожей на коленях, белые шелковые чулки и туфли — обычай, вполне оправданный для его могучей фигуры и особенно тех, словно точеных, сильных и стройных ног, которые помогли ему стать первоклассным легкоатлетом и выдающимся боксером Англии. Со своим волевым, резко очерченным лицом, большими пронизательными глазами и высоким ростом он был наиболее подходящим вожакom для этих грубых, всегда готовых к драке людей, величавших его своим главным командующим.

— Позвольте мне дать вам совет, господа, — вежливо обратился к ним страж порядка. — Вы лучше направьтесь в Хемпшир, потому что сэр Джеймс Форд из Суррея ждет вас на границе своего графства и так же решительно, как и я намерен воспрепятствовать вашему матчу, тогда как мистер Мэридью, хемпширский шериф, более покладист и вам не помешает.

— Сэр, — сказал мой дядя, приподнимая шляпу самым изысканным жестом, — я бесконечно вам признателен за доб-

рое указание. С разрешения главного судьи ничего другого не остается, как вытащить стойки и свернуть канаты.

Мгновенно началась дикая кутерьма. Том Оуэн и его помощник Фога с помощью боксеров, охраняющих ринг, свернули канаты и стойки и поволокли их через поле. Краба Уилсона запеленали в большое пальто и сунули в четырехместное ландо, тогда как Гаррисон занял место Кревена в нашей парной двуколке.

Огромный табор двинулся с места: всадники, экипажи и пешеходы смешались в кучу и медленно покатались по широкому неровному полю. Коляски, словно лодки в море, качало и подкидывало из стороны в сторону, когда они, сбившись чуть ли не по пятьдесят в ряд, продирались сквозь кусты и преграды, встречавшиеся им на пути. Время от времени чья-нибудь коляска начинала с шумом и треском стучать по земле пустой осью, в то время как отвалившееся колесо катилось прочь в кусты вереска под восторженный рев и улюлюканье толпы, приветствующей незадачливых седоков, которые уныло взирали на произошедшую аварию. Когда дикий кустарник поредел, а трава стала ниже, пешие бросились бежать, всадники прищипорили коней, кучера защелкали кнутами, и все устремились по чистому полю вслед за желтым ландо и малиновой двуколкой в бешеной скачке с препятствиями.

— Ну, как, Гаррисон, победим? — услышал я дядин вопрос, когда кони немного приостановились, выбирая путь через изрытое ухабами место.

— Это мой последний бой, сэр, — ответил кузнец. — Моя дражайшая половина заявила, что разрешает последний раз и больше чтоб я даже не заикался. Так что я постараюсь.

— Но вы же совсем не в форме...

— Почему?! Я всегда в форме. Работаю я молотом с утра до вечера и, кроме воды, ничего не пью. Не думаю, чтоб капитан Барклай — тренер Уилсона — достиг большего со всеми своими правилами.

— Но ведь руки Уилсона длиннее ваших...

— Я побеждал многих с еще более длинными руками. В бою на дальней дистанции я буду защищаться, а на ближней ему не одобровать.

— Ну что же, посмотрим, что сделает молодость против опыта. Я не поставлю и одной гиней для подстраховки.

— Ага, вон опять к нам скачет этот законник.

Грозный страж порядка подскочил к нашей двуколке, но на сей раз без каких-либо враждебных намерений.

— Власть моя кончается за этим рвом, сэр, — заявил он. —

Смею заверить вас, сэр, вы вряд ли найдете место лучше вон той котловины. Гарантирую, что там вам никто не помешает.

Его стремление, чтобы матч все-таки состоялся, находилось в таком полнейшем противоречии с тем усердием, с которым он выставил нас из своего графства, что мой дядя не мог удержаться и не сказать ему об этом.

— Представитель власти не должен закрывать глаза на нарушение закона, — ответил тот. — Но если мой хемпширский коллега менее щепетилен в таких вопросах, то это его дело, я же с удовольствием посмотрю матч сам.

И он, прищипорив коня, направился на соседний холм, чтобы занять место получше.

Теперь будет весьма уместно сказать о тех формальностях и правилах, которые возникли столь недавно, что мы еще не ощущаем, что наступит день, когда они заинтересуют историков так же, как сейчас интересуют спортсменов. Строгий свод правил придавал поединку боксеров черты благородства, как когда-то трубный глас герольдов и геральдические щиты украшали турниры закованных в броню рыцарей. Тогда многие тоже считали рыцарские поединки кровавым и диким обычаем, но мы, смотрящие на прошлое сквозь призму веков, понимаем, что то была необходимая, суровая и величественная подготовка к условиям жизни в жестокий железный век. Точно так же, когда ринг исчезнет с лица земли, как исчезли ристалища, мы, возможно, поймем, почему более терпимая философия считает все то, что появилось естественным и самопроизвольным путем, появилось неспроста и что гораздо лучше, когда двое мужчин по собственной доброй воле дерутся насколько им хватит сил, чем когда смелость и выносливость человека ставится под удар в стране, чья оборона всецело зависит от личных качеств ее граждан. Покончите вначале с войной, если с этой проклятой штукой вообще можно когда-либо покончить, а пока этого не случилось, подходите с осторожностью к тем природным качествам человека, к которым вы в любой момент можете обратиться и призвать на помощь для собственной защиты.

Том Оуэн и его единственный помощник Фого, сочетавший в себе храбрость профессионального боксера с поэтическими талантами — хотя, к счастью для него, он владел кулаками лучше, чем пером, — вскоре соорудили ринг по всем правилам боксерского искусства. Вначале установили четыре угловые стойки с нанесенными на них четкими литерами «БК» (Боксерский клуб) так, чтобы натянутые на них канаты образовали ровный квадрат со сторонами двадцать четыре на двадцать четыре фута. Затем на расстоянии восьми футов от внутреннего ринга разбили второй — внешний. Внутренний ринг предназначался для

вступивших в единоборство боксеров и секундантов, тогда как во внешнем имелись места для рефери, хронометриста, главных держателей пари и нескольких счастливых избранных, среди которых оказался и я благодаря своему дяде. Около двадцати известных боксеров-профессионалов, включая Билла Уорра, Блэка Ричмонда, Мэддокса, Гордости Вестминстера, Тома Белчера, Паддингтона Джонса, Тота Том-Блейка, Саймонда-деревенщины, Тейна-портного и других, поставили за внешний ринг в качестве вышибал. Эти ребята, одинаково одетые, в высоких белых цилиндрах, чрезвычайно поражавшие тогда воображение болельщиков, были вооружены кнутами с серебряной ручкой и монограммой «БК». Стоило только кому-нибудь — будь то работяга с Ист-Энда или уэст-эндовский патриций — сунуться внутрь внешнего ринга, как на него тот же час, без всяких предупреждений или долгих уговоров, обрушивался град ударов кнутом, пока нарушитель не уползал, побитый, за пределы этой запретной зоны. Но даже при такой многочисленной страже и таких свирепых мерах вышибалы, которые должны были рассеивать набегающие волны озверевшей стиснутой толпы людей, часто под конец состязания выбивались из сил ничуть не меньше тех, кто в это время дрался на ринге. Сейчас они выстроились в ряд. Под белыми цилиндрами виднелись совсем еще юношеские лица Тома Белчера, Джона и других новобранцев ринга и пугающие, изуродованные физиономии старых ветеранов бокса.

Пока устанавливали стойки и натягивали канаты, я со своего места невольно прислушивался к разговору стоящей позади толпы. Люди — два первых ряда — лежали вокруг ринга на траве, следующие два стояли на коленях, остальные плотной массой выстроились на полого поднимавшемся склоне холма так, что каждый мог видеть ринг из-за головы впереди стоящего. Было несколько, причем опытных, любителей бокса, которые довольно мрачно оценивали шансы Гаррисона на победу, и это заставило меня прислушаться к их разговору внимательней.

— Вечно одна и та же история, — заявил один болельщик. — Они никак не поймут, что надо уступать дорогу молодости, и начинают понимать это только тогда, когда им растолкуют на кулаках.

— Что верно, то верно, — поддержал другой. — Вот так же когда-то Джек-слабачок побил Бартона, и я сам свидетель тому, как Хупера-жестяника разделал под орех какой-то молокосос. Каждому свое время, теперь пришла очередь Гаррисона.

— Ну это еще бабушка надвое сказала, — вмешался в раз-

говор третий.— Я не раз бывал на матчах кузнеца и не разу не видел его побежденным. Он настоящий боксер, уверяю вас.

— Был, вы хотите сказать?

— Пусть так, какая разница. Ставлю десять гиней на него и все.

— Да бросьте вы,— громко заявил какой-то стоящий прямо сзади меня чрезвычайно важничавший господин с той ужасной назойливостью, которая присуща людям Западной Англии.— Я видел этого глостерского паренька и не думаю, чтобы Гаррисон даже в расцвете своих сил мог выстоять против него десять раундов. Вчера я ехал бристольским дилижансом, и кондуктор сообщил мне, что везет в багажнике пятнадцать тысяч фунтов стерлингов золотом, посланных в качестве ставок за Краба Уилсона.

— Плакали, значит, денежки,— рассмеялся кто-то в толпе.— Да Гаррисон не какая-нибудь кисейная барышня, а прирожденный боец. Его не устрасит даже противник высотой с карлтоновскую каланчу.

— А, брось ты,— возразил ему провинциал с Запада.— Бристольца или глостерца может побить только бристолец или глостерец.

— Так может заявить только такой бесстыжий нахал, как ты!— раздался чей-то гневный голос из толпы.— Да в Лондоне найдется не меньше шести человек, которые причешут любого щенка с Запада, даже если будут драться один против двоих.

Словесная перепалка между возмущенным лондонским кокни и джентльменом из Бристоля готова была перерасти в импровизированную боксерскую схватку, но раздавшийся гром продолжительных аплодисментов прервал вспыхнувшую было ссору. На ринг в сопровождении Сэма-голландца и Мендозы, несших таз, губку, фляжку бренди и другие знаки их секундантских обязанностей, вышел Краб Уилсон. Взойдя на ринг, он стянул с себя ярко-желтую косынку, перетягивающую его талию, и, подойдя к угловой стойке, привязал ее к верхнему концу, где и оставил развешиваться на ветру. Затем он взял у своих секундантов пачку такого же цвета коротеньких ленточек и направился вдоль ринга, предлагая их в качестве сувенира по полгинеи господам из Коринфского клуба любителей спорта¹. Оживленная торговля была прервана только с появлением Гаррисона, который, не спеша, как и приличествует его более зрелому возрасту и менее гибким суставам, перешагнул через канаты. Его встретили более восторженным ревом, чем Уилсо-

¹ Аристократический спортивный клуб в Англии.

на, и в этом реве слышалось восхищение, ибо если мускулистого Уилсона люди видели не так давно, то физическое сложение Гаррисона явилось для них полной неожиданностью.

Мне часто приходилось наблюдать могучие руки и плечи кузнеца, но я ни разу не видел его обнаженным по пояс и не догадывался о той изумительной пропорциональности сложения, благодаря которой он в молодости был излюбленной моделью столичных скульпторов. Тут не было той белой глади кожи и брызжащей искрами игры мускулов, как у юного Уилсона, представлявшего собой великолепную картину, зато имелось массивное величие узловатых, переплетенных в клубок мышц, которые, словно корни могучего дерева, извиваясь, шли от груди до плеч и от плеч до кистей рук. Даже в спокойном состоянии солнце отбрасывало тень от этих бугров и канатов, а когда кузнец напрягался, то выступала каждая мышца, отчетливая и твердая, превращая туловище в волнистую рябь мускулов. Кожа его на спине и груди была темнее и грубее, чем у его более молодого противника, но выглядел он намного крепче и сильнее, и это впечатление еще более усугублялось темным цветом его чулок и бриджей. Обсасывая ломтик лимона, он взошел на ринг вместе с Джимом Белчером и Калебом Болдуином, следовавшими за ним по пятам. Подойдя к угловой стойке, он привязал свою голубую косынку поверх желтой брестольца Краба, а затем направился к своему противнику с протянутой для приветствия рукой.

— Надеюсь, вы чувствуете себя хорошо, Уилсон,— сказал он.

— Благодарю вас, прекрасно,— ответил тот.— Я полагаю, что мы с вами встретимся еще не только на ринге, но и за дружеским пиршественным столом.

— Разумеется, ведь нет причин обижаться друг на друга,— сказал кузнец, и они, обменявшись улыбками, разошлись по своим местам.

— Господин судья,— послышался режущий слух голос сэра Лоутьена Хьюма,— могу я узнать, боксеров взвешивали?

— Их только что взвесили под моим личным наблюдением,— ответил Кривен.— Ваш Уилсон весит тринадцать стоунов и три фунта, а Гаррисон — тринадцать стоунов и восемь.

— В нем на пять фунтов больше сала,— закричал Сэм-голландец из своего угла.— Ну ничего, мы вытрясем из него жирок к концу состязания.

— Вы получите от него даже больше, чем хотели бы,— ответил Джим Белчер, и толпа рассмеялась над этой грубой шуткой.

II

— Очистить внешний ринг! — скомандовал Джексон, выходясь над канатами с большими серебряными часами в руках.

«Вжиг! Вжиг! Вжиг!» — засвистали кнуты вышибал, ибо много зрителей — одни под натиском толпы сзади, другие, чтобы занять получше место, даже с риском заработать удар кнутом, — пробрались под канаты и выстроились нестройными рядами внутри внешнего ринга. Теперь они под улюлюканье толпы и град ударов вышибал дико метнулись прочь под канаты с неуклюжей поспешностью перепуганных овец, которые, тычась мордами в опраду, лезут в открытый загон. Правда, сейчас дело обстояло похуже, потому что впереди стоящие не желали отступить даже на пядь. Однако приводимые сзади «веские» аргументы перекрывали все другие соображения, и вскоре толпа поглотила последнего обалдевшего болельщика, а вышибалы, прижав кнуты к ногам, встали через равные интервалы вдоль внешнего ринга.

— Джентльмены! — снова громко объявил Джексон. — Мне приказано сообщить вам, что боксером сэра Чарльза Треджилиса является Джек Гаррисон весом тринадцать стоунов восемь фунтов, а сэра Лоутьена Хьюма — Краб Уилсон, весом тринадцать стоунов три фунта. Никому не разрешено находиться во внутреннем ринге, кроме рефери и хронометриста. Я прошу вас всех, если того потребуют обстоятельства, оказать мне содействие и помощь в наведении порядка так, чтобы бой был честным!

— К бою готовы?

— Готовы! — донеслось с противоположных углов ринга.

— Время!..

Все вокруг замерло, когда Гаррисон, Уилсон, Белчер и Сэм-голландец быстро вышли на середину ринга.

Противники, так же как их секунданты, обменялись рукопожатиями. Четыре руки скрестились в центре ринга. Затем секунданты отступили, а боксеры остались стоять друг против друга, подняв руки вверх.

Это было изумительное зрелище. Оно могло потрясти любого, кого природа не обделила даром восхищения своим самым прекрасным творением. Оба боксера обладали всем необходимым для могучих атлетов, и потому, обнаженные, они выглядели гораздо сильнее, чем в одежде. И каждый из них выделялся еще больше на фоне другого в силу полнейшего контраста между ними: с длинными, болтающимися, как плети,

руками, быстроногий, как олень, юноша и квадратный, с корпусом, подобным комлю дуба, каменный ветеран.

Как только боксеры встретились лицом к лицу, ставки ментально подскочили в пользу более молодого. Качества, дающие ему преимущества, сразу бросались в глаза, тогда как те, что в молодости возвели Гаррисона на вершину боксерской славы, остались в памяти лишь немногих ветеранов спорта. Каждый мог видеть больший на три дюйма рост и руки, длиннее на целых два дюйма. Достаточно было беглого взгляда на быстрые, кошачьи движения ног Уилсона и его великолепную стойку, чтобы понять, как легко он мог прыгнуть или отскочить от своего более медлительного противника. И требовалась острая пронизательность, чтобы заметить зловещую усмешку, словно тень, скользящую на губах кузнеца, и затаенный огонь, сверкавший в серых глазах. Старожилы — единственные, кто знал, что он со своим могучим сердцем и железным здоровьем является опасным противником.

Уилсон занял свою любимую боевую стойку, давшую ему прозвище Краб: левая рука и нога выдвинуты далеко вперед, корпус сильно откинут назад, правая рука прикрывает накрест грудь и выставлена так, что достать его почти невозможно. Кузнец же, со своей стороны, принял устарелую позицию, некогда введенную в моду Немфрисом и Мендозой, но которую вот уже более десяти лет никто не применял на крупных, первоклассных состязаниях. Ноги его были слегка согнуты в коленях, сам он стоял лицом к своему противнику, а два больших бронзовых кулака удерживались на груди вровень друг с другом так, что он мог наносить удары одинаково легко обеими руками.

Свои кулаки, двигавшиеся, словно заводные, взад-вперед, Уилсон смазал каким-то вязущим соком, чтобы они не опухали, и контраст между ними и его белыми предплечьями был столь разителен, что вначале я было вообразил, что он надел на руки длинные черные перчатки, пока дядя не объяснил мне шепотом, в чем дело. Так они стояли друг против друга, дрожа от возбуждения и нетерпения, а огромная толпа людей, затаив дыхание, ожидала так тихо, следя за каждым их движением, что любому могло показаться, что боксеры остались наедине в центре какой-то первозданной пустыни.

С самого начала было ясно: Краб Уилсон намерен использовать свое преимущество и главную надежду возлагает на проворство ног и быстроту своих рук. Он несколько раз легко, маленькими упругими шагами обошел своего противника, тогда как Гаррисон медленно поворачивался за ним. Затем Краб сделал шаг назад, будто приглашая кузнеца сойти с занятой

им позиции и последовать за ним, однако Гаррисон только усмехнулся и покачал головой.

— Тебе, дружок, придется самому подойти ко мне, — сказал он. — Я слишком стар, чтобы гоняться за тобой по всему рингу. Но день еще впереди, так что я подожду.

Он, вероятно, не ожидал, что его приглашение так быстро примут: мгновение ока, прыжок пантеры, и юноша оказался возле него. «Трах, тах, тах! Тук, тук!» — раздались удары — первые три Гаррисону в лицо, два последних тяжелых контрудара Уилсону под ребра. Красиво изогнувшись, юноша отскочил назад — на его теле появились два больших малиновых пятна.

— Первая кровь за Уилсоном! — закричали в толпе, и, когда кузнец обернулся, стремясь уследить за своим более проворным противником, я с глубоким волнением увидел его разбитый в кровь подбородок. В эту минуту юноша снова приблизился и, сделав ложный выпад одной рукой, нанес молниеносный удар другой Гаррисону в челюсть. Затем, пытаясь ослабить увесистый ответный удар правой со стороны кузнеца, он поскользнулся и вытянулся на траве. Раунд закончился.

— Первый нокдаун за Гаррисоном! — закричал тысячеголосый хор, ибо это был один из моментов пари, за которым десятки и сотни фунтов стерлингов должны были переключаться из одних карманов в другие.

— Я зываю к главному судье! — закричал сэр Лоутьен Хьюм. — Это не нокдаун. Боксер упал, поскользнувшись!

— «Согласен!» — заявил Беркли Кривен, и боксеры среди общего гула аплодисментов, которыми их наградили за энергично проведенный раунд, разошлись по своим углам.

Кузнец Гаррисон сунул два пальца в рот и, вытащив обломок зуба, бросил его в таз.

— Совсем как в доброе старое время, — сказал он Белчеру.

— Берегись, Джек, — озабоченно зашептал ему секундант. — Ты получил ударов больше, чем нанес их сам.

— Что же, я и вынести их могу больше, — ответил спокойно Гаррисон, и пока Калей Болдуин обтирал ему лицо мокрой губкой, сверкающее дно оловянного таза потемнело и перестало проглядывать сквозь покрасневшую воду.

Из высказываний опытных любителей спорта — коринфианцев и отдельных реплик стоящей позади толпы я заключил, что после этого раунда шансы Гаррисона на победу оцениваются еще ниже.

— Я увидел его прежние недостатки, но не нашел его старых достоинств, — заявил сэр Джон Лейд. — Как и раньше, он медлителен в нападении и слаб в защите. Уилсон бил его, как хотел.

— Краб может нанести три удара на его один, но один удар Гаррисона стоит трех уилсоновских, — заметил мой дядя. — Он прирожденный боец; правда, другой тоже хороший боксер, но я не стану подстраховываться и на гинею.

Наступившее молчание возвестило начало нового раунда. Секунданты сработали столь умело, что ни на одном из боксеров не осталось и тени следов предыдущей схватки. Уилсон сделал стремительный выпад левой, но, не рассчитав дистанции, промахнулся и получил в ответ сокрушительный удар прямо в грудь. Этот удар отбросил его на канаты. Он чуть не задохнулся от боли.

— Ура старину! — вскричала толпа, а мой дядя, рассмеявшись, подтолкнул Джона Лейда.

Отскочив от каната, юноша улыбнулся и, встряхнувшись, словно вылезшая из воды собака, крадучись направился на середину ринга, где его ожидал спокойно противник. Снова удар правой Гаррисона пришелся в цель, но Краб успел ослабить его локтем и, рассмеявшись, отпрыгнул в сторону.

Боксеры слегка запыхались, и их частое прерывистое дыхание и звук шагов, когда они пританцовывали один возле другого, слились воедино. Они одновременно ударили левой, слышался хлопок, подобный пистолетному выстрелу. Гаррисон нанес резкий удар правой. Уилсон ускользнул от него, и промахнувшийся кузнец ткнулся лицом в землю, отчасти под действием инерции, а отчасти из-за бокового удара полусогнутой рукой, которым хватил его по уху брестолец, когда тот начал падать.

— Нокдаун за Уилсоном! — закричал судья, и ответный крик толпы был подобен бортовому залпу семидесятичетырехпушечного фрегата. Сотни цилиндров коринфианцев взметнулись в воздух, и склон холма предстал перед нами, как пестрая смесь красок и ревущих глоток. Сердце мое сжалось от страха. Я содрогался при каждом ударе и тем не менее вместе с дикой нервной дрожью испытывал безграничный восторг неистовой радости. Я начинал понимать облагораживающее влияние человека, который может подняться выше боли и страха в погоне за самой скромной формой славы.

Белчер и Болдуин ястребом кинулись на своего боксера, подхватили его и в одно мгновение притащили в свой угол. Однако, несмотря на хладнокровие, с каким старый ветеран

воспринял неудачу, неописуемый восторг охватил уроженцев Западной Англии.

— Наша берет! Он побит, побит! — кричали оба секундан-та Краба.

— Сто против полшиллинга за бристольца!

— Он побит?! — вскричал Белчер. — Раньше вон тот холм перевернется, чем вы побьете его.

Продолжая говорить, он размахивал полотенцем перед Гаррисоном, а Болдуин обтирал его мокрой губкой.

— Как ты себя чувствуешь, Джек? — спросил мой дядя кузнеца.

— Прекрасно, сэр. Это ясно, как день.

Ответ прозвучал так бодро и весело, что темное облако на лице моего дяди рассеялось.

— Вы бы, Треджилис, посоветовали своему другу больше нападать, — сказал сэр Джон Лейд, — иначе он никогда не выиграет.

— Свое дело он знает лучше нас с вами, Лейд, так что не будем ему мешать.

— Ставки уже три против одного за Краба, — заметил какой-то господин, поседевшие усы которого выдавали в нем ветерана последней войны.

— Вы правы, генерал Фицпатрик. Но учтите, что ставки предлагают зеленые юнцы, а принимают пожилые и более опытные. Нет, я уверен в победе.

При возгласе «Время!» боксеры быстро вскочили со своих мест, чтобы встретиться во всеоружии. У кузнеца виднелась небольшая шишка на голове, но улыбка оставалась добродушной, хотя и несколько угрожающей. Что касается Уилсона, то на вид он ничуть не изменился, но я раза два заметил, как он морщится, словно от внезапной острой боли, а розовые пятна под ребрами потемнели и стали багрово-красными. Держа для защиты руку немного ниже, чтобы закрыть больное место, он продолжал прыгать вокруг своего противника с легкостью, говорящей, что дыхание его ничуть не нарушено. Гаррисон остался верен той несколько пассивной тактике, с которой он начал бой.

Много слухов доходило до нас с Запада относительно искусства Уилсона, быстроты его реакции и стремительности ударов, но правда превзошла все наши ожидания. В этом и двух последующих раундах он показал такую скорость и точность ударов, какой, по словам старых боксеров, не имел даже Мендоза в зените своей славы. Он нападал и отступал словно

смерч, его удары были резки, молниеносны, и скорее слышались, чем виделись.

Однако Гаррисон принимал их, как и раньше, спокойно, пособачьи оскалив зубы, лишь изредка нанося в ответ свирепые удары в корпус, потому что рост и боевая стойка противника не позволяли дотянуться до его лица. К концу пятого раунда ставки достигли четырех против одного, и уроженцы Западной Англии ликовали в неистовстве.

— Ну, что вы теперь скажете?! Ну, что вы теперь скажете?.. — кричал позади меня джентльмен с Запада. От волнения он ничего не мог придумать иного, как снова и снова повторять свой вопрос. Когда же в шестом раунде кузнецу дважды задали перцу, причем безнаказанно, и к тому же послали в жестокий нокадаун, этот господин стал издавать какие-то нечленораздельные звуки и от восторга мог только всхлипывать. Сэр Лоутьен Хьюм улыбался и кивал головой, тогда как мой дядя оставался совершенно безучастным, хотя я был уверен, что на душе у него, как и у меня, скребут кошки.

— Так дальше продолжаться не может, Треджилис. Хотя я поставил на старика, но вижу — брестолец намного лучше.

— Мой, конечно, немного устарел, однако с честью выдержит испытание, — отвечал мой дядя слегка изменившимся голосом.

Я видел опечаленные лица Белчера и Болдуина и понимал, что нам нужна хоть какая-то перемена в нашу пользу, иначе старая история о молодости и старости повторится вновь.

Однако седьмой раунд выявил запас свежих сил старого, закаленного бойца и немного вытянул лица тех болельщиков, которые уже вообразили, что практически борьба закончена и потребуются всего несколько заключительных схваток, чтобы нанести кузнецу завершающий удар.

Когда боксеры вновь сошлись вместе, стало ясно, что Уилсон полностью оправился от боли и намерен форсировать бой и удерживать захваченную инициативу в своих руках. Однако все тот же мрачный огонь горел в глазах старого ветерана и та же улыбка играла на его губах. Гаррисон даже несколько оживился: он высоко держал голову и весело поводил плечами. Последнее вновь возродило мои надежды. Я видел, как решительно он поднялся навстречу своему противнику.

Уилсон повел бой левой, но не достал и едва успел отскочить от страшного удара гаррисоновской правой, который чуть не пришелся ему по ребрам.

— Bravo, старик! Хорошенькая была бы порция снотворного, если бы ты попал! — воскликнул Белчер.

Вновь послышалось шарканье ног и затрудненное дыхание двух мужчин, прерванное глухим звуком нанесенного Уилсоном сокрушительного удара в корпус, который кузнец заблокировал с чрезвычайным спокойствием. Несколько минут напряженного молчания, и опять свирепый удар Уилсона в голову. Гаррисон отвел его локтем, улыбаясь и кивая головой своему сопернику.

— Ну-ка задай ему перцу!.. — завопил Мендоза своему боксеру, и тот кинулся исполнять его приказание, но тут же очутился на земле, сбитый с ног сильным драйвом в грудь.

— Ну, пора! Дави его! — закричал Белчер, и кузнец двинулся в наступление, нанося лавину коротких ударов полусогнутыми руками и принимая ответные, не моргнув и глазом, до тех пор, пока Краб Уилсон, выбившись из сил, не свалился в своем углу. Оба боксера показали отличные качества, но в этой схватке преимущество оказалось на стороне Гаррисона, так что пришел наш черед бросать вверх шапки и орать до хрипоты, пока секунданты, оттащив Краба в угол, хлопали его по широкой спине, приводя в чувство.

— Ну, что вы теперь скажете? — закричали окружающие провинциалу с Запада, повторяя его собственные слова.

— Да, Сэм-голландец и тот не проводил лучшей серии ударов, — заявил сэр Джон Лейд. — Ну, как там дела теперь, сэр Лоутьен?

— Не торопитесь. Посмотрим еще, чья возьмет.

Однако вопреки этой самоуверенной фразе улыбка сползла с его лица, и я заметил, как он то и дело искоса поглядывает на стоящую позади толпу.

С юго-запада медленно надвигалась огромная багрово-синяя туча, но, уверяю вас, из тридцатитысячной толпы лишь несколько человек обратили на нее внимание. Вскоре она дала знать о себе. Упало несколько тяжелых капель, и тотчас разразился страшный ливень. Воздух наполнился барабанной дробью и шумом низвергающейся с небес воды. Воротники поднялись, на головах появились шейные косынки, а когда боксеры опять встали в боевую стойку, их тела заблестели от влаги. Я успел заметить, как Белчер что-то горячо шептал на ухо Гаррисону, когда тот вставал с его коленей, и как кузнец отрывисто кивал ему головой с видом человека, который понял и полностью одобряет полученные указания.

В чем эти указания состояли, разъяснилось очень скоро.

Гаррисон перешел от обороны в наступление. Успешно проведенная серия ударов в последнем раунде подсказала Белчеру и Болдуину, что там, где требуется наносить и получать удары, их более выносливый и сильный боксер делает это лучше любого другого. К тому же в самом разгаре схватки начался

дождь. Трава стала мокрой и скользкой. Она должна была сковать чрезмерную подвижность Уилсона, и ему намного труднее будет избегать убийственных ударов противника.

Вот каким образом учет всякого рода обстоятельств, учет, подсказываемый тактикой бокса, часто дает возможность более проницательному и наблюдательному секунданту выиграть своему боксеру, казалось бы, безнадежный бой.

— Ну, давай! Давай! — то и дело выкрикивали оба боксера, и тысячи голосов моментально подхватывали этот крик.

И Гаррисон давал, так давал, что ни один из зрителей не забудет этого до самой смерти. Краб Уилсон, бесстрашный, как горный орел, каждый раз встречал его лавиной ударов, но никакая человеческая сила, ничье, казалось, умение не могли остановить сокрушительных атак стального колодца. Раунд за раундом кузнец без передышки атаковал Уилсона, то справа, то слева нанося ему сокрушительные удары, с каждым разом неизменно попадая в цель. Иногда он закрывался левой рукой, чаще считал ниже своего достоинства защищаться вообще, его же страшные удары были неотразимы. Дождь вовсю хлестал обоих боксеров и, омывая их лица, сбегал красными ручьями по мокрому телам, но они не обращали на него никакого внимания, если не считать тех маневров, которые делались, чтобы дождь хлестал в глаза противнику. И раунд за раундом бристолец сдавал, раунд за раундом ставки за Гаррисона росли и росли, пока не поднялись даже выше, чем они были за Уилсона. С волнением в сердце, преисполненный жалости и восхищения перед этими бесстрашными, благородными людьми я страстно желал, чтобы следующий раунд оказался последним. Но возглас «Время!» неумолимо вылетал из уст Джексона, и боксеры снова вскакивали с коленей своих секундантов с гримасой улыбки на изуродованных лицах и шутливыми словами на рассеченных губах. Возможно, это был небольшой наглядный урок, но, даю вам слово, много раз за свою жизнь я подбадривал и вдохновлял себя на трудные дела одним только напоминанием себе об этом дне, говоря, неужели я настолько слаб духом, что ради своей отчизны и ради тех, кого я люблю, не смогу сделать столько, сколько эти два человека сделали ради какой-то мизерной ставки и уважения своих товарищей? Подобные зрелища могут ожесточить тех, кто и без того был жесток, но, уверяю вас, они также возвышают душу, ибо быть свидетелем, очевидцем крайней выносливости и бесстрашия человека само по себе достаточно поучительно. Но если бокс порождает добрые начала в человеке, то только ярый приверженец этого вида спорта станет отрицать, что он

также может быть и матерью отвратительных пороков. И в этот день нам довелось увидеть и то и другое.

Случилось так, что, когда события обернулись против брестольца, я стал довольно часто украдкой поглядывать в сторону сэра Лоутьена Хьюма. Мне хотелось увидеть выражение его лица. Я знал, как бесстрашно он принимал ставки, и понимал, что счастье отвернулось от него так же, как от его ставленника Краба под сокрушительными ударами старого боксера. С его губ давно исчезла самоуверенная улыбка, с которой он смотрел на первые раунды; лицо приняло какой-то землистый оттенок, а маленькие злые глаза тяжело поглядывали из-под нависших густых черных бровей. Неистовые проклятия слетали с его губ всякий раз, когда Уилсона сбивали в нокдаун. Но что особенно меня поразило, так это его подбородок, то и дело поворачивающийся налево, и пронзительные короткие взгляды, которые он посылал в конце каждого раунда в толпящихся за нами людей. Среди невообразимой мешанины лиц я не мог сразу установить, кому предназначены эти взгляды. Наконец мне посчастливилось. Рослый детина, саженные плечи которого в бутылочного цвета одеянии возвышались над окружающей его толпой, весьма усердно смотрел в нашу сторону, и вскоре я убедился, что именно ему родовитый баронет-коринфянец подает украдкой какие-то знаки. Заподозрив недладное, я начал более внимательно следить за незнакомцем и увидел, что тот стоит в окружении людей самого отчаянного обличья. Наглые, подозрительного вида субъекты со свирепыми, опухшими от долгого распутства лицами выли, словно стая волков, при каждом ударе и выкрикивали угрозы в адрес Гаррисона, когда тот возвращался в свой угол. Они так буйствовали, что вышибали, поглядывая в их сторону, начали о чем-то тихо переговариваться между собой, решив заранее принять меры против готовых вспыхнуть беспорядков, хотя и не знали, как скоро свалка начнется и насколько она окажется серьезной.

Прошло тридцать раундов за час двадцать пять минут, а дождь хлестал еще усерднее, чем раньше. От боксеров валил густой пар. Ринг превратился в одну сплошную грязную лужу. Раунд за раундом кончался нокдауном для Уилсона, и даже мне, человеку неискушенному, было видно, как быстро тают его силы. Он тяжело опирался на плечи своих секундантов, когда они вводили его в свой угол, и начинал валиться на пол, стоило только им отпустить его. Однако долгая практика выработала в нем автоматизм, так что он принимал боевую стойку и бил хотя и с меньшей точностью, но с обычной для него тщательностью. Даже сейчас случайный наблюдатель мог

подумать, что он дерется лучше кузнеца, ибо тело последнего было сплошь покрыто синяками и ссадинами. Посторонний наблюдатель не видел, что взор бристольца стал мутным, а дыхание — неестественно прерывистым, а это говорило о том, что самый страшный удар не тот, который оставляет на теле следы.

В конце тридцать первого раунда Уилсон вымотался совершенно. На тридцать второй раунд он поднялся с такой же, как всегда, беспечной храбростью, но вид у него был человека, который вот-вот задохнется и упадет.

— Ну, он уже испекся! — вскричал Белчер. — Теперь его хоть голыми руками бери!

— Я еще неделю целую буду драться, — прохрипел бристолец.

— Будь я проклят, мне этот мальчик нравится, — воскликнул сэр Джон Лейд. — Посмотрите, никакого страха и колебания. Нет, стыдно разрешать ему драться дальше. Уведите этого молодого храбреца, уведите.

— Уведите его! Уведите!.. — подобно эху, повторили сотни голосов.

— Я не уйду! Кто смел сказать такое? — вскричал Уилсон, полулежа на коленях секундантов после очередного нокаута.

— Гордая его душа не позволяет просить пощады, — заметил генерал Фицпатрик. — Сэр Лоутъен, вы, как его патрон, обязаны отдать приказ бросить губку на арену в знак прекращения борьбы.

— Вы думаете, он уже не может победить?

— Он безнадежен, сэр!

— Тогда вы не знаете его. Это же алмаз чистой воды.

— Я понимаю, мужественный человек никогда не сдается, но вы-то прекрасно видите, что противник намного сильнее его.

— Ну и что же? Я уверен, что мой сумеет выстоять еще десяток раундов.

Сказав это, сэр Лоутъен сделал пол-оборота налево, и я заметил, как он вскинул руку вверх каким-то неестественным образом.

— Перережьте веревки!.. Честного боя для мальчика!.. Пусть вначале дождь перестанет!.. — взревел за мной чей-то громовой голос. Обернувшись, я увидел, что это кричит тот самый здоровенный детина в бутылочном плаще. Его крик явился условным знаком, ибо тотчас, подобно раскатам грома, сотни хриплых голосов враз завопили: «Честного боя для парня!.. Ломай ринг!.. Ломай!..»

Джексон объявил: «Время!» — и два забрызганных грязью боксера вскочили на ноги, но на них уже никто не обращал внимания. Взоры всех были устремлены в толпу.

Движение, начавшееся в задних рядах, вызвало мелкую рябь, которая побежала по толпе. Головы всех ритмично покачивались в одном направлении, словно колосья пшеницы под порывами ветра. С каждым толчком волны росли. Тщетно те, что стояли впереди, старались сдержать натиск. Вдруг раздался треск. Две стойки вылетели и упали вместе с приставшими к ним комьями земли прямо в центр внешнего ринга. От резкого толчка сзади первые ряды рассыпались по рингу, перелетев за линию охраны. Замелькали длинные кнуты. Удары наносились сильнейшими руками Англии, но боль и крики жертв могли отбросить людей лишь на несколько ярдов назад, пока новый порыв не бросал их снова в объятия вышибал. Многие свалились на землю, и толпы людей прошли по их телам; другие в припадке ярости отвечали ударом на удар своими охотничьими хлыстами или палками. Потом, когда толпа, чтобы уменьшить напор сзади, внезапно раздалась вправо и влево, расколовшись на две части, дикая орда вооруженных тяжелыми дубинами людей хлынула через образовавшийся коридор на ринг, крича: «За честный бой!.. За Уилсона!..»

Их решительная атака натолкнулась на вышибал, канаты внутреннего ринга лопнули, как нитки, и в одно мгновение ринг превратился в кипящий водоворот человеческих тел: мелькали кнуты и дубинки, раздавались удары налево и направо, а в центре всей этой сумятицы зажатые так, что нельзя было двинуться ни взад, ни вперед, два боксера продолжали свой затянувшийся поединок, совершенно не замечая царящего вокруг хаоса, как не замечают окружающего два бульдога, вцепившиеся друг другу в глотку. Провливной дождь, проклятья и крики боли, стук кнутов и дубинок, призывы к порядку и молебны о пощаде, тяжелый запах прелой одежды — каждый штрих этой сцены из далекой юности встает в моей памяти сейчас, в старости, так же ясно, как будто это происходило вчера.

Мы с трудом могли рассмотреть что-либо в этом хаосе. Нас, оказавшихся в центре царящей вокруг давки, то и дело сбивали с ног, хотя мы старались держаться за широкими спинами Джексона и Беркли Кревена, которые, несмотря на мелькание дубинок над их головами, продолжали отсчитывать раунды и наблюдать за ходом поединка.

— Ринг сломан!.. Ринг сломан!.. — кричал сэр Лоутьен Хьюм. — Я взываю к главному судье. Бой закончился ничью!..

— Негодяй!..— вскричал в сердцах мой дядя.— Это ваша работа!

— У меня достаточно уже к вам счетов,— заявил Хьюм со зловещей усмешкой.

Сказав это, он качнулся, подтолкнутый кем-то, и упал прямо в объятия моего дяди. Их взгляды на мгновение встретились, и наглые глаза Лоутьена Хьюма опустились, не выдержав властно-презрительного взгляда сэра Чарльза Треджилиса.

— Мы сведем с вами счеты, не беспокойтесь... Хотя, право, я унижаю себя, встречаясь с таким подлецом. Ну что, Кривен?..

— Придется объявить ничью, сэр Треджилис,— сказал главный судья.

— Но победа на стороне моего боксера.

— А что делать? Нельзя же выполнять обязанности судьи, когда тебя любую минуту могут съездить дубинкой по черепу.

Вдруг Джексон бешено рванулся в толпу, но вернулся с вытянутым лицом.

— Они уперли мои часы,— заявил он.— Какой-то мальчишка вырвал их у меня прямо из рук и был таков.

Мой дядя схватился рукой за карман.

— И мои также украли.

— Надо сейчас же объявить ничью, а то как бы они Гаррисона не изувечили,— сказал Джексон, и мы увидели, как дюжина каких-то отчаянного вида субъектов надвинулись с дубинами и кастетами в руках на бесстрашного кузнеца, когда тот поднялся навстречу Уилсону в следующем раунде.

— Сэр Лоутьен Хьюм, вы согласны на ничью?

— Да!

— А вы, сэр Чарльз?

— Ни в коем случае!

— Но ринг сломан...

— Не мое дело...

— Ну что же, я как главный судья соревнования объявляю ничью и приказываю боксеров отозвать, а сделанные ставки вернуть.

— Ничья!.. Ничья!..— завопили все вокруг, и толпа мгновенно рассылалась кто куда: пешие ринулись на дорогу в Лондон, джентльмены бросились искать своих лошадей и экипажи.

Гаррисон подбежал к Уилсону и пожал ему руку.

— Надеюсь, я вас не очень сильно покалечил?

— Я еле держусь на ногах... А вы?

— Голова гудит, как котел. Хорошо хоть дождь немного помог.

— Да, я думал, мне крышка. Хорош был бой, ничего не скажешь.

— Надо полагать... Ну, идемте!..

И два бесстрашных, мужественных боксера двинулись сквозь толпу вопящих головорезов, словно два раненых льва сквозь стаю волков и шакалов. И я заявляю, что если сегодня бокс пал так низко, то в этом главная вина ложится не на тех, кто дерется на ринге, а на ту подлую шайку присосавшихся к спорту паразитов и негодяев, которые настолько же ниже честных боксеров-профессионалов, насколько всякого рода «жучки» на скачках ниже благородных скаковых лошадей, служащих орудием их грязных махинаций.

СОДЕРЖАНИЕ

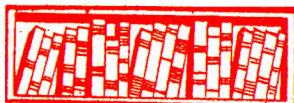
Мастер из Кроксли	3
На ринге	43

Артур Конан-Дойль
МАСТЕР ИЗ КРОКСЛИ

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор Я. М. Борисов.
Сдано в набор 02.04.80. Подписано к печати
18.06.80. А 05275. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага
газетная. Гарнитура «Новогазетная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-
изд. л. 3,93. Тираж 100 000. Изд. № 1538.
Зак. № 2222. Цена 30 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

ТОВАРИЩИ КНИГОЛЮБЫ!

Книгу можно не только купить, но и приобрести по выигрышному билету Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрышей от 50 копеек до 5 рублей.

На каждые 200 билетов—69 выигрышных.

По выигрышному билету можно приобрести книгу или другие товары по своему выбору из наличного ассортимента любого книжного магазина или киоска на территории РСФСР.

Участвуйте в розыгрыше билетов

Всероссийской книжной лотереи!

Дирекция Всероссийской книжной лотереи

